

Архієпископъ Николай.

801-14
1041

АРХІЕПИСКОПЪ НИКОЛАЙ ЯПОНСКІЙ.

Воспоминанія и характеристика ¹⁾.

I.

Тяжесть утраты и трудность
оцѣнки дѣятельности архіепископа Николая.

Въ лицѣ почившаго высокопреосвященнаго Николая, архіепископа Японскаго, Россія понесла тяжелую, скорбную, невознаградимую утрату, и чѣмъ больше вдумываешься въ личность покойнаго и чѣмъ больше анализируешь его дѣятельность, тѣмъ больше сознаешь, что потеря эта въ безвѣльномъ смыслѣ слова незаменима. Умеръ крупнейшій русскій государственнѣйшій дѣятель, который въ течение 50-ти лѣтъ, никѣмъ не побуждаемый, по одному только собственному стремленію, по одной личной инициативѣ являлся проводникомъ неотдѣлимыхъ отъ Россіи православныхъ началъ и послѣ долгихъ испытаній и трудовъ стяжалъ, наконецъ, официальное признаніе даже со стороны бывшихъ нашихъ враговъ величія своей работы. Россія будетъ всегда гордиться именемъ архіепископа Николая Касаткина, но найдетъ ли она кѣмъ замѣнить его, это остается вопросомъ.

¹⁾ Настоящій очеркъ представляетъ собою сводъ двухъ рѣчей, произнесенныхъ авторомъ 26 и 29 февраля въ засѣданіяхъ Русско-Японскаго Общества и Императорскаго Общества Востоковѣдѣнія въ память почившаго архіепископа Николая, состоявшаго почетнымъ членомъ этихъ обществъ.

Умеръ вѣрный сынъ православной Церкви, трудившійся неуклонно подвигомъ добрымъ и отдавшій апостольскому служенію всего себя безъ остатка. Ни отдаленность разстояній, ни чуждость условий, ни иноплемennость народа, среди котораго онъ жилъ, ни страхъ смерти, ни гоненія и поношенія во всѣхъ формахъ, начиная отъ грубыхъ угрозъ и кончая самыми утонченными, выработанными культурой, злоиздѣвательствами, не могли ни поколебать его, ни тѣмъ больше заставить отказаться отъ осуществленія предпринятаго дѣла.

Умеръ тотъ, кто являлся для 115 миллионной массы православнаго русскаго населенія воплощеніемъ святого христіанскаго идеала апостола, чьи обращенія къ едино-вѣрцамъ заставляли людей жертвовать на то, о чемъ онъ ихъ просилъ, изъ-за одной только вѣры въ этого человека, изъ-за одного только святаго сознанія, что послѣдняя копейка, переданная архіепископу Николаю на дѣло, имѣетъ осуществляемое, будетъ такъ же свята, какъ лепта евангельской вдовицы. Вѣстѣ съ нами въ лицѣ почившаго японскаго Церкви утратила своего отца, родоначальника, учителя и руководителя. Кѣмъ же можно замѣнить и чѣмъ можно вознаградить для Церкви и православія такую утрату?

Въ силу такого необычнаго масштаба дѣятельности покойнаго архіепископа Николая говорить и писать о немъ предста-

вляется также делом очень сложным. Говорить о том, кто является, по отзывам знающих. Дальний Восток современников, величайшею фигурою въ миссионерской исторіи Японіи; обѣ апостолѣ, оставившемъ послѣ себя до 200 церковныхъ общинъ и свыше 30.000 христіанъ; о переводчикѣ богослужебныхъ книгъ, передавшемъ Японіи почти всю Библію, почти всѣ богослужебныя православныя книги, цѣлую богословскую литературу; о педагогѣ, основавшемъ нѣсколько школъ, изъ которыхъ вышли сотни японцевъ, проникнутыхъ православнымъ духомъ; обѣ ученомъ, овладѣвшемъ японскимъ языкомъ, про который первые католическіе миссіонеры писали, что онъ такъ труденъ, что представляется изобрѣтеннымъ самимъ дьяволомъ съ цѣлю оградить Японію отъ христіанскихъ миссіонеровъ, а величайшій изъ ученыхъ японологовъ Б. Х. Чэмбарленъ сказалъ, что «японскій языкъ, если взять его весь въ совокупности, является труднѣйшимъ языкомъ на земномъ шарѣ и что ни одинъ взрослый европеецъ никогда не можетъ надѣяться овладѣть имъ въ совершенствѣ во всѣхъ его развѣтвленіяхъ, какъ скажемъ, онъ можетъ надѣяться овладѣть языками нѣмецкимъ или испанскимъ»; говорить о томъ, кто въ одномъ историческомъ очеркѣ, написанномъ на основаніи почти никому доселѣ неизвѣстныхъ въ Россіи японскихъ исторій: Даи Нихонси, Кокусирику, Иси и Нихонганси еще въ 1869 г., далъ ключъ къ уразумѣнію современной японской исторіи; о томъ, кто вынесъ на своихъ плечахъ апостольскую работу въ адскихъ условіяхъ ежесекундной клеветы, гоненій, подозрительности, о человѣкѣ, каждая сторона работы котораго даетъ послѣдующимъ изслѣдователямъ матеріалы для цѣлыхъ томовъ, говорить о такомъ титанѣ—задача не легкая. Не легка она предъ величіемъ фигуры архіепископа Николая, предъ разносторонностью его дѣятельности, предъ богатствомъ его натуры, предъ непреклонностью его воли и передъ тѣмъ-то такимъ, что не

поддавалось оцѣнкѣ наблюдателя. Въ немъ, въ его словахъ, дѣйствіяхъ, сужденіяхъ, идеалахъ, инструкціяхъ и совѣтахъ чувствовалось что-то необыкновенное, его пропикало то, что онъ таилъ въ себѣ не для земныхъ цѣлей. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, это былъ человѣкъ, человѣкъ какъ всѣ люди.

Читая теперь тѣ многочисленныя отзывы, которые даетъ обѣ архіепископѣ Николай пресса всего міра, я долженъ сказать, что они меня какъ-то не удовлетворяютъ. Онъ былъ аскетомъ—это правда, онъ былъ добрымъ, отзывчивымъ, любезнымъ, какъ о немъ пишутъ,—все это правда, но въ этихъ чертахъ, какъ и во всѣхъ отзывахъ обѣ архіепископѣ Николай, еще далеко не вся его натура. Вмѣстѣ съ мягкостью, онъ былъ желѣзнымъ человѣкомъ, не знавшимъ никакихъ препятствій, практичнымъ умомъ и администраторомъ, умѣвшимъ находить выходъ изъ всякаго затруднительнаго положенія. Вмѣстѣ съ любезностью, въ немъ была способность быть ледянымъ, непреклоннымъ и рѣзкимъ съ людьми, которыхъ онъ находилъ нужнымъ воспитывать мѣрами строгости, за что-либо карать или останавливать. Вмѣстѣ съ общительностью, въ немъ была очень большая, долгимъ опытомъ и горькими испытаніями приобретенная сдержанность, и нужно было много времени и усилій, чтобы заслужить его довѣріе и откровенность. На ряду съ какою-то дѣтской наивностью веселаго собесѣдника, въ немъ была широта идеаловъ крупнаго государственнаго ума, безконечная любовь къ родинѣ, страданіе ея страданіями и мученіе ея мученіями.

Вотъ этихъ-то именно сторонъ характера преосвященнаго Николая я не нахожу въ отзывахъ о немъ, а безъ наличности этихъ качествъ онъ, несомнѣнно, не могъ совершить и того великаго дѣла, которое онъ оставилъ послѣ себя въ наслѣдіе. Широкіе и святыя идеалы, желѣзная воля и неистощимое трудолюбіе—вотъ сущность архіепископа Николая.

Пытаться въ настоящее время дать долж-

ную оцѣнку жизни и дѣятельности архіепископа Николая было бы напрасною и недостижимою попыткой. Можно сказать безъ преувеличенія, что каждая сторона работы покойнаго владыки даетъ послѣдующимъ изслѣдователямъ матеріалы для цѣлыхъ томовъ. «Исторія распространенія православія въ Японіи», «Борьба православія съ буддизмомъ и синтоизмомъ», «Японскій переводъ Библіи», «Японская версія круга православнаго богослуженія», «Японскій православно-богословскій словарь—въ его отношеніи къ буддійской и синтоистской терминологіи», «Воспитаніе православныхъ японцевъ», «Роль православныхъ японцевъ въ перенесеніи на японскую почву русской богословской, беллетристической и исторической литературы» и т. д. Вотъ заглавія цѣлага ряда послѣдующихъ научныхъ работъ, которыя совершенно легко приходятъ на умъ при самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ дѣятельностью покойнаго архіепископа и всѣ эти сочиненія, когда они будутъ написаны, исходнымъ своимъ пунктомъ будутъ имѣть именно работу архіепископа Николая, его идеи, его знанія японскаго языка и Японіи. Десятки лицъ будутъ со временемъ трудиться надъ выясненіемъ того, что сдѣлано однимъ почившимъ архіепископомъ, и пройдетъ много лѣтъ еще раньше, нежели его личность представится намъ во всей своей полнотѣ. Трудность въ этомъ случаѣ несомнѣнно заключается прежде всего въ томъ, что вся жизнь преосвященнаго Николая прошла въ Японіи, и вся почти его работа изложена на японскомъ языкѣ. Необходимо поэтому прежде всего, чтобы ею занялись японологи, но и одного знанія японскаго языка въ этомъ случаѣ недостаточно. Для оцѣнки, скажемъ, дѣятельности архіепископа Николая, какъ переводчика, необходимо, чтобы его критикъ былъ самъ человѣкомъ богословскаго образованія. Для анализа и правильнаго пониманія проповѣднической и административной работы владыки по организации Церкви нужно, чтобы изслѣдователь

зналъ исторію современной Японіи. Для выясненія постепеннаго перехода православныхъ общинъ съ сѣвера на югъ Японіи, отъ писателя потребуются большія знанія по этнографіи Японіи и т. д. Вотъ почему мы можемъ совершенно увѣренно сказать, что въ данный моментъ нѣтъ ни одного человѣка изъ русскихъ, кто былъ бы въ состояніи, безъ большой предварительной подготовки, представить надлежащій очеркъ жизни и дѣятельности покойнаго, а тѣмъ болѣе дать его подробную біографію съ полнымъ выясненіемъ его трудовъ по распространенію Церкви.

II.

Пребываніе архіепископа Николая въ Хакодате ¹⁾.

Для насъ, знающихъ теперь реформированную Японію, въ высшей степени интересными представляются отзывы архіепископа Николая о его жизни и работѣ въ первые годы пребыванія въ Японіи. Бѣжалъ онъ въ Хакодате съ самыми горячими идеями миссионерской работы. «Тогда я былъ молодъ, говорилъ онъ позднѣе, и не лишень воображенія, которое рисовало мнѣ толпы ото всюду стекающихся слушателей, а затѣмъ и послѣдователей слова Божія, разъ это послѣднее раздается въ японской странѣ. Каково же было мое разочарованіе, когда я, по прибытіи въ Японію, встрѣтилъ со-

¹⁾ Архіепископъ Николай, въ мѣрѣ Иванъ Димитріевичъ Касаткинъ, родился 1 августа 1836 г., образованіе получилъ въ духовномъ училищѣ и въ Смоленской духовной семинаріи. Студентомъ С.-Петербургской духовной академіи онъ принялъ въ 1860 году предложеніе Святѣйшаго Синода занять мѣсто священника при Хакодатскомъ консульствѣ съ миссионерскою цѣлю. Былъ посвященъ въ санъ іеромонаха 30 июня 1860 г. и немедленно же выѣхалъ въ Японію, куда прибылъ 2 июня 1861 г. За все это время онъ былъ въ Россіи только два раза: въ первый разъ въ 1869 году съ ходатайствомъ предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ учрежденіи въ Японіи православной миссіи, во второй—въ 1880 году, когда онъ былъ вызванъ въ Россію для рукоположенія во епископа. Съ тѣхъ поръ до дня кончины, 3 февраля 1912 года, онъ родины не видѣлъ.

вершено противоположное тому, о чем мечтали. Тогдашние японцы смотрели на иностранцев как на змей, а на христиан—как на злодейскую секту, к которой могут принадлежать только отвратительные злодеи и чародеи.

О какой бы то ни было открытой проповеди при этих условиях не могло быть и речи, да и трудно было думать о ней без знания языка. Рассказывая об этом периоде пребывания в Японии, покойный архиепископ всегда с глубокою благодарностью вспоминал о тогдашнем Хакодатском консуле Г. Гомкевиче, пионер русско-японологии и автор первого японорусского словаря. С ним близко сошелся тогда еще иеромонах Николай, и, одинаково интересуясь изучением японского языка, они имели много общих тем для разговоров.

В этот период архиепископ впервые познакомился с японцами, начал присматриваться к ним и оценивать их пригодность для христианства и особенно для миссионерской деятельности. Нельзя сказать, чтобы первые наблюдения его были очень в пользу японцев. Вот как писал он об этом в одном из писем к митрополиту С.-Петербургскому Исидору:

«4 года спустя по прибытии моем сюда, Бог послал мне одного человека. Спустя год он нашел себе товарища, а еще в продолжение года они нашли себя и третьего собрата. Из этих людей и подобных им я лстился когда-то образовывать настоящих миссионеров: увы, надежды мои давно разлетелись в прах! Они, правда, умны, образованы в японском смысле, высоконравственны и готовы жертвовать собою для успеха принятой ими веры, обнаруживают отличное умение пользоваться теми знаниями, которые ими действительно усвоены, проявляют редкое одушевление в речи, замечательное красноречие, но у всех у них одни и те же недостатки: отсутствие всякого навыка к

систематическому построению своих знаний и недостаток памяти. Да и может ли быть иначе, когда фундаментальное образование японца состоит в безмысленном заучивании китайских знаков по Конфуцию и в чтении разных пустых книжек без связи и направления. Словом, опыт убавил меня, что на миссионеров из японцев надеяться нечего: когда появится на японском языке полная богословская литература, тогда, с нею за плечами, японец может идти на проповедь, но до этого еще далеко. Теперь же японцы могут быть полезны только как катехизаторы под непосредственным руководством действительного миссионера» («Хр. Чт.» 1869 г. I, стр. 250—252).

В разговорах с архиепископом я обращал его внимание на этот прежний отрицательный отзыв об японцах. Он говорил, что, в сущности, недостаток логического мышления замечается в японцах в массе и теперь, но, вместе с тем, он должен признать, что введенная в годы правления Мэизи (т. е. нынешнего императора) система народного образования во многом реформировала японскую голову. В те времена, когда он давал этот отзыв, японцы учились совершенно по китайской системе, не имевшей ни последовательности, ни логики. В последующие десятилетия в Японии в этом отношении произошла удивительная перемена. И так, как думают и пишут теперь молодые японцы, старики думать и писать не умели.

В бытность в Хакодате же архиепископу пришлось впервые примечать и свой практический такт в приспособлении к существующим обстоятельствам и условиям жизни, основываемой им Церкви. Он только что обучил нескольких катехизаторов, которые начали собирать у себя на домах лиц, готовых слушать, христианское учение и таковых нашлось до 20 человек, как в Хакодате был получен указ нового правительства с за-

прещением принимать христианскую веру. Катехизаторам угрожало таким образом опасность быть посаженными в тюрьмы и, быть может, казненными. Не колеблясь долго, архиепископ решил избавить их от этой участи: он снабдил их книгами и разослал из Хакодате в разные стороны на проповедь. «Целью их путешествия, писал он, кроме ближайшей—скрыться от опасности, поставлено еще то, чтобы они хорошо разглядели вездь направление умов, постарались найти людей нужных для нашего дела и, наконец, если можно, положили бы пометам хотя начатки христианских обществ. Но все это на всякий случай: в глубине души я очень мало питаю надежды на их успехи, пусть бы хоть сами остались целы, да не компрометировали себя». («Хр. Чт.» 1869. I, стр. 254).

Период пребывания в Хакодате с 1861—1869 г. был лишь подготовительною стадией к последующей деятельности архиепископа Николая. Главнейшая работа его в эти годы была сосредоточена на изучении японского языка и Японии.

Изучение архиепископом Николаем японского языка.

Располагая теперь огромным количеством всевозможных грамматик, словарей, изданных с переводами и комментариями текстов, громадным количеством пособий по истории, религии и быту Японии, мы все же говорим, что изучение японского языка представляет собою чрезвычайную трудность. В каком же положении был архиепископ Николай, брошенный одиноком в этот огромный японский мир с одним только желанием изучения языка и Японии, но без маломальски удовлетворительных пособий к этому на доступных для него языках. Вот как он характеризует свои первые шаги в области изучения японского языка.

«Приехав в Японию, я несколько хва-

тало сил, стал изучать здешний язык. Много было потрачено времени и труда, пока я успел присмотреться к этому варварскому языку, положительно труднейшему в свете, так как он состоит из двух: природного японского и китайского, перемешанных между собою, но отнюдь не слившихся в один. Сколько родов разговорного языка, начиная почти от чисто-китайского диалекта до вульгарной речи, в которой, однако, неминуемо влетаются китайские односложные слова. Сколько разных способов письма, начиная тоже от чисто китайской книги до книг, писанных фонетическими знаками, между которыми опять-таки неизбежно путаются китайские иероглифы. От взаимной встречи и переплетения этих двух языков, принадлежащих к двум различным семействам, с грамматическими конструкциями, совершенно непохожими одна на другую, какое громадное количество выродилось и самых невероятных грамматических сочетаний, форм, частичек, хвостиков, часто, по видимому, ничего не значущих, но требующих, однако, большой деликатности в обращении с собою. И такие люди, как пресловутый quasi-знаток японского языка, француз Рони, осмеливаются писать грамматику японского языка. Хороши грамматики, которые приходится бросить в угол, как ненужный хлам, спустя неделю по приезде в Японию. Видно, долго еще изучающим японский язык придется изучать его инстинктом, чрез чтение книг и механическое приучение себя к тем или другим оборотам разговорной и письменной речи. Так инстинктивно и я научился, наконец, кое-как говорить и овладел тем самым простым и легким способом письма, который употребляется для оригинальных и переводных ученых сочинений». («Хр. Чт.» 1869. I, стр. 247—248).

Не смотря однако на такие неблагоприятные условия, архиепископ Николай, пу-

темъ постоянного чтенія японской литературы и постоянного общенія съ японцами, достигъ удивительнаго знанія японскаго и разговорнаго и книжнаго языка. Я никогда не забуду того собранія, которое состоялось въ Токио при отъѣздѣ изъ Японіи епископа Андроника въ залѣ Young Men Christian Association, гдѣ присутствовала аудиторія болѣе чѣмъ въ 1000 человекъ японцевъ, обращаясь къ которой, архіепископъ Николай говорилъ почти 2 часа. У архіепископа былъ сильный иностранный акцентъ. Кромѣ того, 8 лѣтъ пребыванія въ Хакодате дали его произношенію сильный отбѣнокъ сѣверо-японскаго діалекта. Но это нисколько не мѣшало ему быть понимаемымъ всѣми японцами отъ мала до велика, богатство словаря и легкость построения фразъ давали его рѣчи силу, приводившую въ восторгъ всѣхъ японцевъ. Архіепископъ не былъ ораторомъ въ парламентскомъ смыслѣ, рѣчь его не лилась такими длинными, безконечными періодами, какъ у японскихъ адвокатовъ, фразы были короткія, обороты самыя неожиданныя, но чрезвычайно яркіе и сильные. Нѣсколько разъ аудиторія перебивала его громкими одобреніями и аплодисментами, и это особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ черпалъ изъ своей изумительной эрудиціи образы, примѣры и сравненія, о которыхъ японцы никогда и не думаютъ, что они могутъ быть извѣстными европейцу. Рѣчь эта имѣла своимъ предметомъ обзоръ всей японской культуры и исторіи, анализъ японскихъ религій и системы государственнаго управленія въ древней и новой Японіи и сведена была къ тому, что вся культура и исторія Японіи служатъ подготовительной стадіей къ принятію Японіей христіанства.

Впечатлѣніе этою рѣчью было произведено громадное, что объяснялось чрезвычайнымъ подъемомъ, силою экспрессіи и тою свободою обращенія съ японскимъ языкомъ, съ которою она была произнесена.

Я считаю нужнымъ отмѣтить именно эту, слышанную мною рѣчь архіепископа, такъ какъ она совершенно выходила изъ предѣловъ его обычной повседневной работы. Что же касается до рѣчей христіанскаго и богословскаго содержанія, то онѣ произносились имъ постоянно, при всякомъ удобномъ случаѣ. То были и рѣчи въ храмѣ, и рѣчи на всякаго рода христіанскихъ собраніяхъ, и увѣщанія и поученія отдѣльнымъ вѣрующимъ, приходившимъ къ своему пастырю за словомъ утѣшенія, за разъясненіемъ всякаго рода религіозныхъ сомнѣній, за инструкціями для опроверженія аргументовъ, выставляемыхъ буддистами, синтоистами и инославными миссіонерами противъ православія. Въ этой области архіепископъ, какъ специалистъ, естественно не зналъ себѣ равнаго.

Приходилось мнѣ видѣть архіепископа и въ японскомъ обществѣ на различныхъ приѣмахъ, обѣдахъ, собраніяхъ. Здѣсь онъ былъ всегда веселымъ собесѣдникомъ, у котораго сыпались разнаго рода шутки, историческіе рассказы, описаніе японскаго быта и пр. Постоянныя путешествія по Японіи и столкновенія съ японскимъ народомъ, при огромной памяти архіепископа, давали ему неистощимый матеріалъ для рассказовъ, и его всегда можно было видѣть окруженнымъ на такихъ собраніяхъ цѣлою толпою слушателей. При этомъ, однако, всѣ его рассказы всегда носили характеръ благородства, его юморъ никогда не спускался до вульгарности, и собесѣдники—японцы уходили послѣ разговора съ нимъ съ пополненнымъ багажомъ полезныхъ знаній и чувствомъ глубокаго уваженія къ этому иностранцу. Недаромъ въ японской прессѣ можно постоянно находить замѣчанія, что архіепископъ Николай зналъ Японію лучше самихъ японцевъ.

Что касается до степени знанія архіепископомъ книжнаго японскаго языка, то въ записанныхъ мною протоколахъ предсоборныхъ засѣданій православнаго духовенства въ Токио въ іюнѣ 1906 года

имѣется слѣдующее о томъ свидѣтельство. Обсуждался вопросъ о необходимости для православной японской Церкви избрать благочиннаго, на котораго была бы возложена обязанность объѣзжать японскія церкви и общины и контролировать дѣятельность священниковъ и катихизаторовъ. По этому поводу одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Церкви, редакторъ православнаго журнала Сэнкѣо симпоо, Петръ Исикава, сказалъ слѣдующее:

«По моему мнѣнію, долженъ быть поставленъ благочинный, чтобы замѣнять архіепископа при объѣздѣ церквей. Архіепископъ Николай самъ теперь ѣздить не можетъ. Я имѣлъ съ нимъ по этому поводу неоднократные разговоры, но онъ отвѣчалъ, что предпочитаетъ заниматься переводами. Онъ сказалъ мнѣ такъ: «Я не изъ гордости говорю, но по глубокому сознанию, что я дѣйствительно теперь могу лучше всякаго другого заниматься переводами богослужебныхъ книгъ. Я знаю русскій и славянскій языки и знаю греческій языкъ, а потому могу сличать славянскій текстъ съ греческими оригиналами; знаю японскій и китайскій языки и потому могу излагать переводы. Наконецъ я имѣю уже опытность въ дѣлѣ переводовъ, и потому мнѣ лучше всего сосредоточить все свое вниманіе на удовлетвореніи именно этой, самой важной нужды Церкви».

Когда соборъ всего духовенства въ этомъ засѣданіи, на которомъ преосвященный не присутствовалъ, и потому критика церковнаго строя велась совершенно открыто, перешелъ къ обсужденію даннаго вопроса, то всѣ единогласно высказались, что ни одинъ изъ японцевъ не въ силахъ замѣнить архіепископа въ его переводческой работѣ. Здѣсь только я почувствовалъ всю ту силу уваженія японцевъ къ учености и эрудиціи преосвященнаго Николая въ области японологіи, о которой мнѣ приходилось слышать раньше. Можно ли дѣйствительно представить себѣ болѣе высокое признаніе авторитета, чѣмъ постановленіе всего право-

славнаго собора о необходимости врученія переводовъ на японскій языкъ именно архіепископу, хотя онъ по происхожденію и иностранецъ? Мы знаемъ, что прожившій 50 лѣтъ въ Японіи и потерявшій глаза надъ изученіемъ японскаго языка проф. Чембэрленъ былъ избранъ, заслуженнымъ профессоромъ Токиосскаго университета по кафедрѣ японской литературы. Мнѣ думается, что вышеприведенное постановленіе православнаго собора является аналогичнымъ съ этимъ фактомъ.

Къ области знанія архіепископомъ книжнаго японскаго языка нужно отнести и веденіе имъ текущихъ дѣлъ православной Церкви. Управлять японскою Церковью безъ знанія разговорнаго и книжнаго языка абсолютно невозможно. Съ 6-ти часовъ утра до 12-ти дня архіепископъ ежедневно занимался церковными дѣлами, и занятія эти состояли главнымъ образомъ въ корреспонденціи съ вѣрующими. Писалъ онъ самъ отвѣты очень рѣдко, такъ какъ это потребовало бы отъ него слишкомъ большой механической работы. Но каждое письмо имъ прочитывалось, обсуждалось съ секретаремъ, и послѣднему архіепископу диктовалъ отвѣтъ. Затѣмъ, написанное по такимъ указаніямъ письмо архіепископомъ редактировалось, иногда исправлялось, иногда подписывалось безъ поमारокъ. Содержаніе этихъ писемъ обнимало, само собою разумѣется, всю церковную жизнь миссіи и частную жизнь вѣрующихъ, и понятно поэтому, что знанія японскаго языка и письменности архіепископа были совершенно адекватными этимъ требованіямъ. Затѣмъ, раньше опубликованія, онъ редактировалъ всѣ миссійскія изданія, слѣдилъ тщательно за публикуемыми миссією періодическими органами и былъ въ курсѣ всей текущей государственной жизни Японіи, за которою слѣдилъ по японской прессѣ. Читалъ онъ постоянно и газеты англійскія.

Таковы были результаты изученія архіепископомъ Николаемъ японскаго языка, которое было начато имъ въ Хакодате

Онъ самъ говорилъ постоянно, что безъ 8-ми лѣтъ работы на Хоккайдоо надъ изученіемъ языка и Японіи, онъ никогда не былъ бы въ состояніи вести дѣло миссіи съ такою продуктивностью.

III.

Распространеніе архіепископомъ Николаемъ православія въ Японіи.

Возвратившись въ 1871 году изъ Россіи, архіепископъ Николай въ скоромъ времени имѣлъ уже возможность переѣхать въ Токио, гдѣ и обосновался на господствующемъ надъ всѣмъ Токио холмѣ Суругадай. Съ этого времени дѣло миссіи становится на болѣе прочную ногу, и архіепископъ развертываетъ свои миссіонерскія и административныя дарованія во всю ширь. Слѣдить годъ за годомъ за этою работою архіепископа намъ не представляется сейчасъ возможности, и потому мы должны ограничиться только указаніемъ на тѣ общія условія, въ которыхъ шла работа архіепископа Николая, и затѣмъ обрисовать вкратцѣ достигнутые имъ результаты.

Вопросъ о распространеніи православія въ Японіи представляется чрезвычайно труднымъ для объясненія съ церковно-исторической точки зрѣнія.

Нынѣ намъ уже документально извѣстно, что, съ самыхъ первыхъ шаговъ знакомства съ русскими, японцы прониклись къ нашей родинѣ самою глубокою подозрительностью. Какъ большіе патриоты, они боялись, что Россія желаетъ завладѣть Японіей и съ начала XIX вѣка уже принимали самыя активныя мѣры для изученія Россіи и отысканія средствъ для противодействія ея мнимымъ покушеніямъ на независимость Японской имперіи. Сѣюгунатъ Токугава воспитывалъ на ненависти къ Россіи цѣлыя поколѣнія и искалъ въ этой ненависти пищу для развитія въ народѣ патриотизма. Захватъ Головинна съ товарами былъ умысленнымъ и заранѣе подготовленнымъ отвѣтомъ на набѣги Хво-

стова и Давыдова. Цѣлый рядъ мѣропріятій по изслѣдованію сѣверной Японіи, Курильскихъ острововъ и Сахалина и по укрѣпленію ихъ былъ предпринятъ изъ боязни Россіи. Появленіе русскихъ судовъ у не принадлежавшей еще тогда Японіи Цусимы было сочтено прямою угрозою независимости Японіи, и съ этого времени вся Японія не могла иначе говорить о Россіи, какъ со скрежетомъ зубнымъ.

Только при свѣтѣ этихъ фактовъ намъ становится понятною та ненависть, съ которою смотрѣлъ на появившагося въ Хоккайдѣ іеромонаха Николая синтоистскій жрецъ и самурай Савабэ и только зная исторію дышавшихъ невѣроятною подозрительностью отношеній японскаго общества къ Россіи, мы можемъ уяснить себѣ весь смыслъ его словъ нашему миссіонеру: «Васъ, иностранцевъ, нужно всѣхъ перебить. Вы пришли сюда выглядывать нашу землю. А ты, съ своею проповѣдью, всего больше повредишь Японіи!» Совершенно такіе же взгляды мы находимъ у японскаго путешественника Ригузанъ Камисима Нагахиса, который въ 1893 году посѣтилъ перешедшій къ русскимъ Сахалинъ и излагалъ свое негодованіе такъ: «Широко открывъ свои глаза отъ душившей меня злобы, смотрѣлъ я въ сторону С.-Петербурга, на западъ, гдѣ черными пятнами клубились, сливаясь съ водою, зловѣщія облака». И вся Японія была полна именно этою злобою, ненавистью, фанатическимъ зложелательствомъ по отношенію къ Россіи. Не знала этого только Россія, но архіепископу Николаю пришлось съ нею столкнуться первому изъ русскихъ на дѣлѣ.

Почему же именно, при такомъ отношеніи къ намъ японскаго народа, православіе имѣло успѣхъ?

Мнѣ приходилось слышать въ Японіи, и этотъ взглядъ проникъ отчасти уже и въ русскую литературу, что первый періодъ дѣятельности арх. Николая совпалъ какъ разъ съ борьбою послѣднихъ приверженцевъ сѣюгуната Токугава съ возро-

давшимся къ жизни императорскимъ правительствомъ, и что первые послѣдователи Пр. Николая принимали православіе потому, что надѣялись черезъ религію найти поддержку въ Россіи для борьбы сѣюгуната противъ правительства Мэизи, что именно поэтому онъ больше всего нашелъ учениковъ и неофитовъ на сѣверѣ Японіи, гдѣ привязанность къ дому Токугава была сильнѣе, нежели на югѣ. Мнѣ, однако, такое объясненіе представляется мало удовлетворительнымъ. Во 1-хъ, японцы, при всей своей склонности отстаивать права Токугавскаго дома, были все же слишкомъ патристичны, чтобы мечтать о союзѣ съ ненавистною для нихъ Россіей; во 2-хъ, самый контингентъ первыхъ послѣдователей православія, за очень немногими исключеніями, былъ по своему классовому строю слишкомъ далекъ отъ какой бы то ни было политики: съ самаго начала и до сего дня православіе распространяется главнымъ образомъ среди бѣднѣйшаго класса японцевъ. Въ Японской православной Церкви аристократіи чрезвычайно мало, богатыхъ купцовъ, зажиточной интеллигенціи, крупныхъ землевладѣльцевъ не было съ самаго начала, нѣтъ почти и теперь. Отсюда именно исходитъ и чрезвычайная бѣдность православной японской Церкви.

Чѣмъ же въ такомъ случаѣ объяснить распространеніе православія? Для насъ въ данный моментъ всего интереснѣе взгляды на этотъ вопросъ почившаго владыки.

Уже въ 1869 г. онъ писалъ: «Характеристично для православія въ Японіи то, что православная миссія, всего 8 лѣтъ существующая, при двухъ постоянныхъ за это время миссіонерахъ безъ всякихъ опредѣленныхъ матеріальныхъ средствъ, числомъ христіанъ уже вдвое сильнѣе, чѣмъ католическая и всѣ протестантскія миссіи, взятая вмѣстѣ, не смотря на то, что католическая и протестантская миссія болѣе 20 лѣтъ, какъ основаны въ Японіи, что у нихъ сотни миссіонеровъ и миссіонерокъ и неистощимыя матеріальныя средства».

(Древняя и Новая Россія. 1879 г. X, стр. 231).

Въ вышеупомянутой рѣчи, произнесенной въ 1907 г. при отъѣздѣ изъ Токио епископа Андроника на большомъ собраніи японцевъ, равно какъ и въ другихъ своихъ опубликованныхъ трудахъ архіеп. Николай неоднократно и самымъ обстоятельнымъ образомъ доказывалъ, что въ Японіи наступила пора принять христіанство, и что это принятіе христіанства является завершеніемъ всей прежней вѣковой, умственной и моральной культуры Японіи. Онъ разсматривалъ современное богоскательство интеллигентныхъ и философски настроенныхъ круговъ Японіи и выяснялъ, что ихъ религіозный индифферентизмъ происходитъ отъ неудовлетворенности существующими религіями.

Синтоизмъ создалъ въ душѣ японца патриотизмъ, уваженіе къ императорскому дому и преданность Японіи, но по своему религіозному содержанію онъ не можетъ наполнить душу мыслящаго человѣка. Сами японцы съ ученыхъ каедръ высказываютъ сомнѣніе въ божественномъ происхожденіи своей династіи, они ищутъ болѣе высокихъ формъ богопоклоненія и отсюда въ самомъ синтоизмѣ создаютъ секты, но создаютъ ихъ лишь для того, чтобы ихъ оставить.

Существующій на ряду съ синтоизмомъ буддизмъ, конечно, является болѣе высокою формою религіи, и при перенесеніи буддизма на японскую почву синтоизмъ предъ нимъ совершенно ступеневался, но и буддизмъ былъ въ состояніи удовлетворять только древнихъ японцевъ. Онъ распался затѣмъ на цѣлый рядъ сектъ, которые для привлеченія послѣдователей не останавливаются предъ всякими выдумками. Нѣтъ возможности перечислить всѣхъ выдуманныхъ ими чудесъ, сновъ, пѣсенъ боговъ. Всѣ буддійскія секты наперерывъ одна передъ другою стараются щеголять чудесами, изъ которыхъ одно другого нелѣпѣе, одно другого фантастичнѣе. Для интеллигентнаго человѣка всѣ эти выдумки до того

наивны и смѣшны, что придавать серьезное значеніе буддизму современный японецъ не можетъ. Архіепископъ указалъ, что современные популярныя сочиненія буддизма полны такими историческими нелѣпостями и несообразностями, что отъ нихъ буквально вянуть уши. Такъ въ одномъ жизнеописаніи будды ему пришлось читать прѣблагочестивое увѣреніе автора, будто за матерью будды въ приданое даны были, между прочимъ, 7 полныхъ воровъ «голландскихъ рѣдкостей», а когда она забеременѣла буддой, то другая жена цари изъ зависти, чтобы убить въ ней младенца, обратилась къ одному изъ христіанъ, которые, какъ извѣстно, всѣ колдуньи, чтобы, при помощи его волхвованій, испортить свою соперницу. Съ мельчайшими подробностями здѣсь же былъ описанъ способъ волхвованія христіанина, приложенъ даже его портретъ и изображено, какъ онъ погибъ среди волхвованій, пораженный небесными силами.

Кромѣ синтоизма и буддизма въ Японіи, въ видѣ нравственно-богословской школы, существуетъ еще конфуціанство, но и оно не можетъ заполнить религиозной мысли ищущаго бога японца.

Почему же доселѣ Японія не приняла христіанства?—Причина этому, по словамъ архіепископа, заключается главнымъ образомъ въ самихъ христіанахъ. Въ XVI вѣкѣ уже японцы насчитывали въ своихъ рядахъ не мало христіанъ, но чья была вина, если христіанство смѣшалось съ полтигой и вызвало поэтому запретительныя распоряженія лучшихъ изъ японскихъ правителей? «Христіанская религія хороша, но она не годится для моей страны», былъ короткій отвѣтъ геніальнаго Токтоми Хидэеси одному епископу. И дѣйствительно, могли ли относиться японцы къ христіанству иначе, если сами христіане пятнали себя политическимъ интриганствомъ? Вотъ совершенно достовѣрный фактъ: по смерти одного удѣльнаго князя, когда за нѣкоторыя вины имущество его

было конфисковано, въ его домѣ совершенно неожиданно найденъ былъ сундукъ, наполненный драгоценными золотыми подарками и корреспонденціей, открывшей, что князь былъ въ самыхъ интимныхъ сношеніяхъ съ напой и собирався предать свое отечество во власть иноземцевъ. Вотъ гдѣ лежитъ причина антихристіанскихъ правительственныхъ эдиктовъ, формулированныхъ такъ: «хотя бы самъ богъ христіанскій пришелъ въ Японію,—и ему голова долой».

Архіепископъ въ исторіи Японіи усматривалъ особую руку Промысла, спасшую Японію отъ того политически интригующаго христіанства, которое пришло въ страну Восходящаго Солнца въ XVI вѣкѣ. Онъ вмѣстѣ съ этимъ всегда указывалъ на то, что теперь времена совершенно перемѣнились, что въ Японіи христіанство проповѣдуется внѣ всякой связи съ политикой и потому принятіе его естественно для человѣка съ одной стороны и не грозитъ опасностями ни націи, ни правительству съ другой.

По своему принципу воздерживаться отъ публичнаго осужденія инославныхъ исповѣданій, архіепископъ очень рѣдко говорилъ объ отношеніи японцевъ къ католичеству и протестантству, но мы имѣемъ его взглядъ на этотъ вопросъ, изложенный еще въ 1869 году.

«Японцы, кажется, и обнаруживаютъ наклонность къ православію. Не нравится имъ, и не можетъ нравиться такому развитому и пытливому народу, гнѣтъ католичества, которое, проповѣдуя христіанство, не позволяетъ читать въ подлинникъ ученіе Христа, уже этимъ однимъ возбуждая недовѣріе и сомнѣніе въ подлинности проповѣдуемаго».

«Не нравится японцамъ и протестантство. Они изнурены и своею собственною религиозною неурядицей и пустотою; и протестантство, давая лишь библію въ руки, не предоставляя каждому понимать ее какъ угодно, т. е. то же что и въ языче-

ствѣ, оставляя людей въ дѣлѣ религіи руководствоваться человѣческими воззрѣніями, а не указывая ясно и опредѣленно Божественной истины, конечно, не можетъ удовлетворить и успокоить ихъ. Характеристично для протестантства въ Японіи то, что лучшие люди изъ протестантскихъ прозелитовъ, многіе годы, бывшіе преданными протестантами и проповѣдниками протестантства, даже терпѣливыя гоненія за него, безъ всякихъ постороннихъ вліяній, сами собою, бросаютъ его и дѣлаются злыми врагами и поносителями его и, по невѣжеству, всего христіанства; это значитъ, что они прошли сквозь узкое и тонкое ученіе и вновь очутились въ пустотѣ, съ неудовлетворенною какъ прежде религиозною жаждою».

«Повидимому, недалеко поэтому то время, когда для Японіи разрѣшится вопросъ, какое вѣроисповѣданіе будетъ въ ней господствующимъ. Въ Россіи когда-то князь Владиміръ, въ виду необыкновенной важности подобнаго вопроса для Россіи, принималъ всѣ мѣры къ наилучшему разрѣшенію его,—самъ выслушивалъ всѣхъ разнорѣчныхъ миссіонеровъ, совѣтовался съ вельможами, посылалъ особое посольство за границу для изученія вѣръ и избранія лучшей изъ всѣхъ. Дай Богъ, чтобы и японское правительство со всею осмотрительностью и мудростью рѣшило этотъ вопросъ для Японіи какъ въ интересахъ самой истины, такъ и въ видахъ духовныхъ и вещественныхъ пользъ своего народа. Вопросъ этотъ—неизмѣримо важенъ. Отъ просвѣщенія Японіи христіанствомъ будетъ много зависеть просвѣщеніе и другихъ монгольскихъ народовъ». («Японія и Россія». «Древняя и Новая Россія». 1879. Окт. стр. 230—231).

Итакъ причину распространенія православія въ Японіи почивній владыка считалъ прежде всего подготовленность Японіи къ воспріятію христіанства вообще. Вторымъ условіемъ его распространенія онъ считалъ полную свободу въ православіи отъ

связи съ политикой. Въ этомъ отношеніи его можно скорѣе считать педантомъ, но его педантизмъ, какъ мы видимъ, основывался на глубокомъ знаніи японской исторіи, въ которой уже одинъ разъ было запрещено христіанство за политическія интриги. Во много разъ скорѣе онъ могъ ожидать того же по отношенію къ русскому православію, такъ какъ и руссофобская литература и подозрительность японцевъ къ Россіи и ненавистничество къ ней японскихъ шовинистовъ были ему прекрасно извѣстны.

Сила православія въ Японіи заключалась и заключается несомнѣнно въ томъ, что оно построено всецѣло на японской почвѣ, что распространителями его являются сами японцы, что оно въ своихъ стремленіяхъ не ищетъ матеріальныхъ выгодъ, не заискиваетъ у аристократіи и богатыхъ классовъ, а идетъ самостоятельнымъ дорогомъ и невольно привлекаетъ поэтому уваженіе всѣхъ честныхъ людей, ищущихъ Бога.

Созданіе японской православной Церкви.

По отчетамъ православной японской духовной миссіи къ 1-му января 1910 года въ японской православной Церкви состояло 265 церковныхъ общинъ, въ которыхъ числилось 31.538 христіанъ обоего пола.

Японская миссія издаетъ ежегодно карты распространенія христіанства съ точнымъ обозначеніемъ мѣстоахожденія православныхъ христіанскихъ общинъ. Въ миссійскихъ календаряхъ указывается и перечень всѣхъ этихъ общинъ, какъ по провинціямъ (куни), такъ и по префектурамъ (канъ) Японіи. Имѣющаяся у меня карта относится къ 1906 году. Взглядъ на нее показываетъ, что главнѣйшимъ центромъ православія въ Японіи являются сѣверные округа. Церкви сѣверной Японіи считаются наиболѣе состоятельными и, какъ болѣе раннія по своему основанію, онѣ всегда указываютъ направленіе при возникновеніи новыхъ вопросовъ въ жизни миссіи. Изъ

сѣверныхъ церквей особенною любовью архіепископа Николая пользовалась, и намъ русскимъ особенно интересно представляется маленькая община православныхъ на островѣ Сикотанѣ. Церковь эта имѣетъ свою особую исторію. Когда въ 1875 г. произошелъ обмѣнъ Сахалина на Курильскіе острова, японское правительство, по политическимъ соображеніямъ, приняло мѣры къ удаленію съ ближайшаго къ Камчаткѣ острова Сумусю всѣхъ проживавшихъ тамъ айну, бывшихъ русскихъ подданныхъ, которые жили равнѣе съ русскими, получали образованіе въ русскихъ школахъ, говорили по русски и могли бы быть такимъ образомъ, нежелательнымъ для Японіи населеніемъ на случай столкновенія ея съ Россіей. Изъ этихъ же соображеній и мѣстомъ новаго жительства для Сумусюскихъ айну былъ избранъ почти необитаемый дотогѣ островъ Сикотанъ, гдѣ бывшихъ русскихъ подданныхъ никто не могъ видѣть. Выѣздъ для этихъ айну съ острова былъ воспрещенъ. Немедленно были приняты мѣры обьяпониванія этихъ айну, путемъ распространенія между ними японскаго языка и обученія айвскихъ дѣтей въ японскихъ школахъ. Была попытка и совращенія айну изъ православія въ буддизмъ. Для этой цѣли около 12 лѣтъ тому назадъ на Сикотанъ прибылъ бонза буддѣйской секты Монтосю, который жилъ на островѣ нѣсколько лѣтъ проповѣдуя буддизмъ, но его айну не слушали. Затѣмъ, желая вынудить айну возможно большее впечатлѣніе о величій и значенія буддизма, онъ взялъ съ собою двухъ молодыхъ айну, возилъ ихъ по Японіи, въ Кіото, Токио и другіе центры буддизма и знакомилъ ихъ съ важнѣйшими кумирными и другими учрежденіями своей вѣры. Молодые люди, прибывъ въ Токио, заявили здѣсь православнымъ христіанамъ, что отказаться съ даровой поѣздки по Японіи имъ не хотѣлось, но что никто изъ сикотанскихъ айну никогда не отступилъ отъ православія. Они забрали съ собою цѣлую бібліотеку изданій право-

славной японской миссіи и возвратились домой.

Бѣдственное положеніе этихъ айну на островѣ Сикотанѣ удостовѣрено цѣлымъ ридомъ японскихъ писателей, съ Торіи Рюузю во главѣ, и имъ то на помощь пришелъ съ духовнымъ утѣшеніемъ архіепископъ Николай, вначалѣ командированный туда священника Тита Комацу, съ переводчикомъ Алексѣемъ Саваба, а затѣмъ поселившій на Сикотанѣ у айну катехизатора Сантоо Раку-у. Отъ этихъ японцевъ мы имѣемъ въ журналѣ Санкѣо симпоо въ высшей степени трогательныя описанія ихъ пребыванія у Сикотанскихъ айну, и, можетъ быть, ни отъ кого въ жизни архіепископъ не получалъ такой благодарности какъ отъ этихъ несчастныхъ. «Когда я прибылъ въ Токио съ Сикотана, пишетъ о. Титъ Комацу, то немедленно же доложилъ о положеніи дѣлъ епископу. Епископъ молча плакалъ и послѣ нѣкотораго времени сказалъ мнѣ: «Ты ихъ ближайшій пастырь и священникъ и долженъ осуществлять на дѣлѣ слова нашего Господа Иисуса, а цтому подумай объ этомъ обстоятельно». Послѣ этого во всей японской православной Церкви былъ открытъ сборъ пожертвованій въ пользу несчастныхъ сикотанскихъ айну, и между маленькой айвской общиной и японской Церковью съ тѣхъ поръ установилось духовное единеніе, которое архіепископъ Николай тщательно поддерживалъ.

Изъ церквей на сѣверномъ островѣ Хоккаидо первое мѣсто занимаетъ Хакодатская, какъ старѣйшая. Къ ней архіепископъ относился съ особенной нѣжностью, и когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во время большого хакодатскаго пожара, сгорѣлъ православный храмъ, то это доставило ему много скорби. Хоккаидо раздѣленъ на три округа, каждый округъ находится подъ надзоромъ рукоположеннаго священника, который совершаетъ объѣзды по своему округу три раза въ годъ. На всемъ островѣ существуетъ болѣе 30 церковныхъ общинъ,

IV.

Организація архіепископомъ Николаемъ православной японской миссіи.

Православная японская миссія въ томъ видѣ какъ существуетъ она сейчасъ создавалась не сразу. Много было положено архіепископомъ трудовъ для приведенія отдѣльных частей миссіи на ту высоту, на которой онѣ стоятъ нынѣ. Каждый отдѣлъ миссіи имѣетъ свою исторію, иногда очень сложную, останавливаться на которой въ общемъ очеркѣ не представляется возможнымъ. Одно только необходимо сказать, что если въ данный моментъ нѣкоторые изъ отдѣловъ миссіи идутъ уже самостоятельно, только руководясь высшими указаніями главы миссіи, то въ своихъ первыхъ стадіяхъ развитія они всѣ шли, жили и дѣйствовали при непосредственномъ участіи архіепископа Николая, какъ инициатора, участника и души всего дѣла. Въ данный моментъ въ миссіи существуютъ слѣдующіе отдѣлы: 1) Переводческій отдѣлъ. 2) Редакція журнала «Санкѣо симпоо». 3) Духовная семинарія. 4) Женская школа. 5) Катехизаторская школа. 6) Дѣтскій сиротскій пріютъ. 7) Иконописный отдѣлъ. 8) Церковный хоръ. 9) Библиотека. Остановимся вкратцѣ на каждомъ изъ этихъ отдѣловъ.

I. Переводческій отдѣлъ.

Ни одной изъ частей миссіи не придавалъ такъ много значенія архіепископъ Николай, какъ переводческому отдѣлу. «Въ немъ, говорилъ онъ, заключается вся суть миссійскаго дѣла. Въ настоящее время вообще работа миссіи, въ какой бы то ни было странѣ, не можетъ ограничиваться одною устною проповѣдью. Времена Франциска Ксаверія, бѣгавшаго по улицамъ съ колокольчикомъ и созывавшаго такимъ путемъ слушателей, прошли. Въ Японіи же, при любви населенія къ чтенію и при развитіи уваженія къ печатному слову, вѣрую-

катехизаторовъ же только 9, такъ что на долю каждого изъ нихъ приходится очень тяжелая работа. Покойный архіепископъ смотрѣлъ на Хоккаидо съ большою надеждою и говорилъ всегда, что тамошніе жители наиболѣе склонны къ принятію христіанства.

Главный островъ Японіи Хонсю раздѣленъ въ церковно-православномъ отношеніи на 18 округовъ, раскинутыхъ отъ Аомори до Хиросима, изъ нихъ большая часть христіанъ находится въ сѣверныхъ провинціяхъ острова и только въ послѣднее время православіе обнаружило наглядную тенденцію движенія на югъ. На картѣ нанесены общины въ 39 провинціяхъ главнаго острова и лишь въ 9 провинціяхъ православныхъ общинъ не имѣется. На островѣ Кюсю изъ 9 провинцій не имѣется православныхъ лишь въ одной. Здѣсь работаютъ пять катехизаторовъ подъ руководствомъ двухъ священниковъ. На островѣ Сикю православные имѣются во всѣхъ 4-хъ провинціяхъ и проживаетъ одинъ священникъ.

За послѣдніе годы миссія особо выдѣляетъ, какъ образцовыя, церкви по линіи Токаидооской ж. д. въ Оказакіи, Хамамацу, Тоёхаси и Нагоѣ. Послѣдній объѣздъ ихъ епископомъ Сергіемъ доставилъ много утѣшенія покойному архіепископу. Послѣ японско-русской войны православная Церковь въ Японіи приняла на себя обязанности удовлетворенія религиозныхъ потребностей также и православнаго населенія Южнаго Сахалина, а расширеніе власти Японіи надъ Формозою и Кореею создало необходимость отправленія православныхъ катехизаторовъ и въ эти страны. Такимъ образомъ дѣло православной миссіи за послѣдніе годы въ значительной мѣрѣ усложняется, что сознавалось и самимъ архіепископомъ Николаемъ и доставляло ему не мало заботъ.

щимъ и оглашаемымъ прежде всего нужно давать книгу, написанную на ихъ родномъ языкѣ, непременно хорошимъ слогомъ и тщательно, красиво и дешево изданную. Особенное значеніе у насъ имѣютъ книги, выясняющія вѣроисповѣдныя разности съ католичествомъ и протестантствомъ. «Мнѣ, говорилъ преосвященный Николай, много разъ приходилось быть очевидцемъ того, какъ наши христіане, вооруженные знаніями, почерпнутыми изъ миссійскихъ изданій, вели собесѣдованія со своими соотечественниками католиками и протестантами и оставались побѣдителями. Печатное слово должно быть душою миссіи».

Этому принципу архіепископъ Николай слѣдовалъ всю свою жизнь неуклонно. Въ теченіи 30 послѣднихъ лѣтъ, минута въ минуту въ шесть часовъ вечера входилъ въ его келью его постоянный сотрудникъ по переводамъ Накаи-санъ, садился рядомъ съ архіепископомъ на низенькій, аршина полтора въ квадратѣ, табуретъ, на которомъ лежала подушка, называемая по японски «забутонъ», и начиналъ писать подъ диктовку архіепископа переводы. Работа эта продолжалась въ теченіи четырехъ часовъ и оканчивалась въ 10 часовъ вечера. Откладывалась она только въ дни вечернихъ богослуженій и праздникова. Въ часы работы надъ переводами, двери кельи высокопреосвященнаго были абсолютно закрыты, и входилъ туда только слуга преосвященнаго, Иванъ-санъ, чтобы подать чаю. «Хотя бы небо разверзлось, говорилъ владыка, а я не имѣю права отмѣнить занятій по переводу».

Въ высшей степени интересными представляются для насъ первые шаги архіепископа Николая въ его переводческой дѣятельности. Какъ человѣкъ вѣчно стремившійся къ совершенствованію, архіепископъ Николай никогда не бывалъ доволенъ своими переводами. Онъ неустанно искалъ новыхъ и новыхъ формъ, и переводъ молитвъ Господней, напримѣръ, онъ исправлялъ, кажется, 3 или 4 раза. И съ

самого начала онъ пытался найти для себя хотя бы какую-либо опору, хотя бы какой-либо контроль своихъ первыхъ шаговъ въ переводческомъ дѣлѣ. Еще будучи въ Хакодате, онъ старался утилизировать существовавшіе уже православные переводы Библии и богослужебныхъ книгъ на *китайскомъ* языкѣ. Но эта попытка не была удачною. Вотъ какъ пишетъ о своихъ первыхъ опытахъ переводовъ самъ архіепископъ.

Когда «научился я, наконецъ, кое-какъ говорить и овладѣлъ тѣмъ, самымъ простымъ и легкимъ способомъ письма, который употребляется для оригинальныхъ и переводныхъ ученыхъ сочиненій, то съ этимъ знаніемъ немедленно же приступилъ къ переводу Новаго Завета на японскій,— переводу не съ русскаго: отыскивать китайскіе знаки для каждаго русскаго слова—трудъ далеко еще не подъ силу мнѣ, да и бесполезный,—а съ китайскаго; дѣло, повидимому, легкое: японецъ, хорошо понимающій китайскую книгу, переводить Евангеліе на японскій, причѣмъ каждое слово выражено китайскимъ знакомъ, но около него поставлено японское чтеніе, и затѣмъ всѣ грамматическія формы выражены также японскими фонетическими знаками; мое дѣло было—съ другимъ ученымъ японцемъ провѣрять и поправлять переводъ. Работа шла очень быстро, пока я, постепенно знакомясь съ китайскимъ текстомъ, не дошелъ до окончательнаго разочарованія въ авторитетности его самого. Я выписалъ изъ Китая другой переводъ Новаго Завета. Оказывается, что одинъ буквально до шероховатости языка и часто до непонятности, другой изукрашенъ—очень часто до совершенной перефразировки и до пропуска и вставки многихъ словъ. Это заставило меня тщательно слѣдить за текстомъ по русскому и славянскому переводамъ. Изрѣдка встрѣчающіяся несогласія между тѣмъ и другимъ (всегда, сколько я замѣтилъ, не въ пользу перваго) побуждали меня заглядывать еще въ Вульгату и въ

англійскій текстъ, наконецъ, я досталъ и греческій Новый Заветъ. Просматривая каждый стихъ во всѣхъ этихъ чтеніяхъ, а въ трудныхъ мѣстахъ прочитывая и толкованіе Златоуста, я, наконецъ, дошелъ до такой медленности въ переводѣ, что въ 5 часовъ, которые посвящались въ сутки на эту работу, переводилъ не болѣе 15 стиховъ. Переводить въ послѣднее время я уже сталъ самъ, отдавая текстъ лишь послѣ на просмотръ ученому японцу. Такъ переведены: Соборныя посланія ап. Павла къ Галатамъ, Ефесеямъ, Филиппійцамъ и Колоссянамъ и половина посланія къ Римлянамъ. Оглядываясь теперь на эти переводы, я снова вижу въ нихъ безчисленные неисправности. Переведенныя же сначала Четыре Евангелія и Дѣянія Апостоловъ требуютъ новаго перевода. Въ промежуткахъ этой работы переведены съ китайскаго: Православное вѣроисповѣданіе святаго Димитрія Ростовскаго, Катехизисъ для оглашенныхъ, краткая Священная Исторія Ветхаго Завета, утреннія и вечернія молитвы; съ славянскаго: обрядъ присоединенія иноувѣрныхъ и крещенія» (Хр. Чт. 1869 г. I, стр. 248—249).

Такимъ образомъ уже въ бытность на Хокаидо архіепископъ началъ свою переводческую работу въ довольно широкихъ размѣрахъ. Но еще шире были въ этомъ отношеніи его идеалы и виды на будущее, на осуществленіе которыхъ онъ истратилъ всю свою жизнь. Вотъ какъ онъ объ этомъ писалъ въ 1869 году:

«Изъ всего вышесказаннаго доселѣ, кажется, можно вывести заключеніе, что въ Японіи, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ: *жато многа*. А дѣтелей съ нашей стороны нѣтъ ни одного, если не считать мою, совершенно частную дѣятельность... Пусть бы я и продолжалъ свои занятія въ прежнемъ направленіи, но силы одного человѣка здѣсь почти то же, что капля въ морѣ. Одинъ переводъ Новаго Завета, если дѣлать его отчетливо (а можно ли дѣлать иначе?) займетъ еще, по

крайней мѣрѣ, два года исключительнаго труда. Затѣмъ необходимъ переводъ и Ветхаго Завета; кромѣ того, если имѣть хоть самую малую христіанскую Церковь, рѣшительно необходимо совершать службу на японскомъ языкѣ; а прочія книги, какъ Священная исторія, Церковная исторія, Литургика, Богословіе? Все это тоже предметы насущной потребности. И все это и другое подобное нужно переводить на «японскій», о которомъ еще неизвѣстно, дастся ли онъ когда иностранцу такъ, чтобы на немъ можно было писать хотя на половину такъ легко и скоро, какъ иностранецъ обыкновенно пишетъ на своемъ» (Хр. Чт. 1869, I, стр. 255).

Въ особенности широко былъ въ состояніи развитъ переводческую дѣятельность архіепископъ Николай послѣ переезда въ Токио. Здѣсь съ открытіемъ православнаго богослуженія ему потребовались уже японскія богослужебныя книги въ полномъ ихъ объемѣ, потребовались образцы проповѣдей, нужно было сформировать хоръ, словомъ открылась широкая работа. Началъ свои переводы богослужебныхъ книгъ архіепископъ Николай съ круга воскреснаго богослуженія, затѣмъ перешелъ къ цѣлной тріоді, далѣе перевелъ тріодъ постную и потомъ постепенно заполнялъ весь кругъ богослуженій. Одновременно съ этимъ шелъ переводъ Евангелія, которое было архіепископомъ переиздано нѣсколько разъ. Изъ Ветхаго Завета имъ переведены всѣ части, которыя необходимы для годового круга богослуженій и заветною мечтою его было восполнить недостающее и издать всю Библию. Въ 1910 году онъ говорилъ мнѣ, что для завершенія этого труда, по его расчетамъ, ему нужно еще пять лѣтъ, а потому мнѣ совершенно неизвѣстно, въ какомъ положеніи находится эта работа въ данный моментъ.

Переводческая работа архіепископа Николая представляетъ собою, вѣтъ всякаго сомнѣнія, величайшій ученый трудъ, который доселѣ русскимъ обществомъ не

оцѣнить, и пройдетъ несомнѣнно еще очень много лѣтъ, раньше нежели развишесся среди лицъ богословскаго образованія знаніе японскаго языка и письменности дать возможность русскимъ японологамъ уяснить себѣ научную стоимость этихъ переводовъ. Теперь мы можемъ только констатировать нѣкоторые черты системы работы архіепископа Николая:

1) Работа эта велась имъ чрезвычайно осторожно. У архіепископа подъ руками, кромѣ славянскаго текста, былъ всегда еще и греческій, равно какъ и толкованія богослужебныхъ текстовъ, составленныя православными учеными. Далѣе, Накан-санъ, его помощникъ былъ выбранъ имъ изъ среды православныхъ ученыхъ японцевъ за его глубокое знаніе іероглифическаго письменности, громадную трудоспособность и преданность православной вѣрѣ. При переводахъ на японскій языкъ, главнѣйшую опасность для православія представлялъ собою употребленіе тѣхъ китайскихъ іероглифовъ, которые имѣютъ въ буддѣйскомъ и синтоистскомъ церковномъ канонѣ особый смыслъ, расходящійся съ православіемъ. Въ этомъ отношеніи всѣ термины, касающіеся, на примѣръ, буддѣйскаго абсолютнаго существа, какъ безличнаго, — нирваны, поглощающей въ себѣ все существующее; детерминистическаго опредѣленія человѣческой воли, и т. п. понятій, составляли особую трудность, какъ совершенно расходящіеся съ православнымъ представленіемъ о личномъ Богѣ, раѣ, свободной волѣ человѣка. Иногда установленіе одного іероглифа требовало долгихъ часовъ совѣщанія архіепископа съ Накан-санъ, а бывали и такіе случаи, что о переводѣ одной фразы разсуждали по всей Церкви архипастырскія посланія, съ просьбою къ вѣрующимъ высказаться о соотвѣтствующей православію редакціи текста.

2) Архіепископъ Николай въ своихъ переводахъ является совершенно оригинальнымъ работникомъ. Онъ относился къ этому вопросу чрезвычайно педантично, и гово-

рилъ такъ: «Я по принципу никогда не читаю ни католическихъ, ни протестантскихъ переводовъ Библии, изъ опасенія подчиниться имъ и хотя бы невольно что-либо изъ нихъ заимствовать. Лучше самому, исходя изъ личнаго пониманія православія, преодолевать трудности японской письменности и искать въ нихъ соотвѣтствія съ нашими текстами, чѣмъ подчиняться инославнымъ переводамъ, и брать изъ нихъ готовые термины».

Вслѣдствіе такого отношенія архіепископа къ дѣлу переводовъ, имъ выработаны на японскомъ языкѣ совершенно особый православно-богословскій словарь, что представляетъ собою гигантскую, имѣющую большое научное значеніе, лексикологическую работу. Термины архіепископа Николая являются точнымъ переводомъ славянскихъ и греческихъ православныхъ словъ. И по этому японскій языкъ архіепископскихъ переводовъ представляетъ собою полную новизну и въ самой японской литературѣ.

Критики и научныхъ разборовъ переводовъ архіепископа Николая доселѣ не появлялось. Японцы, съ которыми мнѣ приходилось говорить о его переводахъ, равно какъ и инославные миссіонеры отмѣчаютъ въ нихъ двѣ черты: 1) близость къ подлиннику; 2) въ значительной мѣрѣ трудный для общей массы японцевъ подборъ іероглифовъ. Поэтому поводу я имѣлъ бесѣду съ архіепископомъ и онъ отвѣтилъ мнѣ такъ: «Я полагаю, что не переводъ Евангелія и богослуженія долженъ спускаться до уровня развитія народной массы, а, наоборотъ, вѣрующіе должны возвышаться до пониманія евангельскихъ и богослужебныхъ текстовъ. Языкъ вулгарный въ Евангеліи недопустимъ. Если мнѣ встрѣчаются два совершенно тождественныхъ іероглифа для выраженія и оба они для японскаго уха и глаза одинаково благородны, то я, конечно, отдамъ предпочтеніе общераспространенному, но никогда не дѣлаю уступокъ невѣжеству и не допускаю ни малѣйшихъ компромиссовъ въ отношеніи точности пе-

реводовъ, хотя бы мнѣ приходилось употребить и очень малоизвѣстный въ Японіи китайскій іероглифъ. Я самъ чувствую, что иногда мой переводъ для пониманія требуетъ большого напряженія со стороны японцевъ. Но это въ значительной мѣрѣ объясняется новостью для нихъ самого православія. Вначалѣ такіе упреки были еще сильнѣе, чѣмъ теперь; но мнѣ же развитія работы нашего переводческаго отдѣла и созданія въ Японіи православно-богословской бібліотеки, японцы привыкаютъ сами къ христіанско-православному мышленію, и, благодаря этому, имъ и переводы мои становятся легче».

Выясненію этого же вопроса служить одно хранящееся у меня письмо къ американскому миссіонеру Джеффрису, котораго протестантскій епископъ въ Кіото просилъ прислать партію книгъ, переведенныхъ архіепископомъ Николаемъ и среди нихъ переводъ Евангелія въ 50 экземплярахъ. «Что бы ни говорили о переводахъ архіепископа Николая, нинетъ этотъ епископъ, но не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что его переводъ книги Дѣяній Апостольскихъ и Евангелія отъ Іоанна неизмѣримо выше всѣхъ существующихъ».

На ряду съ владыкою подѣ его контролемъ и при его ближайшемъ участіи трудился надъ переводомъ русской богословской литературы и православно-христіанскій японскій миссіонскій переводческій отдѣлъ. Въ составъ его входили раньше главнымъ образомъ лица, получившія высшее богословское образованіе въ Россіи. Позднѣе же, когда создался соотвѣтствующій контингентъ японцевъ, знающихъ русскій языкъ и окончившихъ курсъ въ духовной семинаріи, то наиболѣе способные изъ нихъ также зачислялись въ его составъ. Въ имѣющемся сейчасъ въ моемъ распоряженіи каталогъ японскихъ изданій до 1896 года записано 123 изданныя книги и брошюры, а затѣмъ на отдѣльныхъ листахъ отмѣчены изданныя въ 1903 году 9, а въ 1904 году 20 книгъ и

брошюры. Владыка съ гордостью отмѣчалъ, что за послѣдніе годы все болѣе и болѣе часто появляются и оригинальныя японскія православно-богословскія сочиненія. Такъ, въ одномъ 1903 году ихъ было опубликовано 15.

Въ систематическомъ каталогѣ по 1896 годъ изданія переводческаго отдѣла распределены по слѣдующимъ классамъ: 1) Богослужебныя книги и молитвословы. 2) Священное Писаніе. 3) Священное преданіе и символическія книги. 4) Творенія святыхъ отцовъ и учителей Церкви. 5) Толкованіе на Священное Писаніе и ученіе о Священномъ Писаніи. 6) Догматика, догматическія монографіи и законоучительныя сочиненія. 7) Нравственное Богословіе и нравоучительныя сочиненія. 8) Церковное законодѣніе. 9) Литургика. 10) Священная Исторія. 11) Церковная Исторія. 12) Житія Святыхъ. 13) Проповѣдничество. 14) Обличительное Богословіе. 15) Новѣйшая христіанская апологетика. 16) Оригинальныя японскія сочиненія.

Въ моемъ распоряженіи въ данный моментъ, къ сожалѣнію, не имѣется полныхъ каталоговъ изданій переводческаго отдѣла миссии послѣ 1896 года, но за послѣдніе 15 лѣтъ отдѣлъ этотъ чрезвычайно развилъ свою дѣятельность, и потому нынѣ существующая православная бібліотека въ Японіи во много кратъ превосходитъ ту, которая существовала до 1896 года. Можно сказать безъ преувеличенія, что всѣ почти богословскія сочиненія, признаваемые у насъ классическими, переведены на японскій языкъ. Изъ оригинальныхъ японскихъ сочиненій мы можемъ назвать изданныя въ 1903 году: 1) «Сборникъ религіозно-философскихъ статей», *Павла Ямада*. 2) «Религія и красота природы», *Василія Ямада*. 3) Двѣ брошюры *Акилы Казима*: «Новопрославленный святой преподобный Серафимъ Саровскій», составленная для раздачи въ день прославленія, и «Преподобный отецъ нашъ Серафимъ Саровскій чудотворецъ». 4) «Краткое объясненіе всенепъ съ

наго бдѣнія и литургіи», *Свящ. Серія Сузуки*. 5) «Краткое изложение православнаго вѣроученія», *свящ. Симеона Ми*. 6) «Невѣдомый Богъ», *Петра Исиава*. Въ 1901 году писатель *Исаия Мизусима* издалъ слѣдующія брошюры: а) «Альбомъ собора Воскресенія Христова въ Токио». б) «Иллюстрированное описаніе храма Благовѣщенія въ Киото». в) «О положеніи японской православной Церкви» (по поводу объявленія войны Японіи съ Россіей). г) «Война Японіи съ Россіей и японскіе православные христіане». (Отношеніе японской православной Церкви къ Россійскому Святейшему Синоду) и «Состояніе японской православной Церкви во время войны Японіи съ Россіей». д) «Четыре св. угодника XIX столѣтія». е) «Святая равноапостольная мученица Марія Магдалина». ж) «Богъ Творецъ». з) «Императорскій домъ и православная вѣра». и) «Начатки православнаго христіанскаго вѣроученія». Иллюстрированный учебникъ для воскресныхъ школъ, книга 4-я. *Петръ Исиава* издалъ двѣ работы: «Семейная жизнь и нравственность съ христіанской точки зрѣнія» (240 стр.) и «Отвѣтъ миссіонера римско-католической церкви Гиру о многихъ заблужденіяхъ греческой православной Церкви» (280 страницъ).

Я не имѣю возможности перечислить здѣсь дальнѣйшія изданія, но уже и перечисленныя въ достаточной мѣрѣ характеризуютъ то направленіе, въ которомъ, по указанію арх. Николая, ведется работа японскимъ переводческимъ отдѣломъ.

2. Редакціи журналовъ.

За время существованія миссіи имѣла четыре періодическихъ органа:

1) Сэнкё симпоо, т. е. Православный Вѣстникъ. Это—официальный органъ миссіи, полумѣсячное изданіе, начатое 15 декабря 1880 года. Онъ продолжается и до сего времени подъ редакторствомъ одного изъ самыхъ дѣятельныхъ работниковъ православной миссіи Петра Исиава. Номеръ

обнимаетъ обыкновенно до 40 страницъ мелкаго шрифта и содержитъ въ себѣ обзоръ жизни всего христіанства, при чемъ явленія инославной христіанской жизни обязательно освѣщаются въ немъ съ православной точки зрѣнія. Для будущаго историка православной Церкви въ Японіи Сэнкё симпоо явится однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ. Журналъ этотъ занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ ряду христіанскихъ миссіонерскихъ изданій всей Японіи. Въ англійскомъ журналѣ «Japan Daily Mail» печатаются разъ въ мѣсяцъ библиографическіе обзоры религиозной прессы въ Японіи, и въ очень рѣдкомъ изъ такихъ обзоровъ мы не встрѣчаемъ самыхъ лестныхъ отзывовъ по поводу статей, помѣщаемыхъ въ Сэнкё симпоо.

2) Уранисики («Парчевая изнанка», терминъ для обозначенія скремности). Это ежемѣсячное изданіе было начато 15 ноября 1902 года. Издавалось оно при женской школѣ и содержало въ себѣ рядъ статей, полезныхъ для воспитанія въ православномъ духѣ японскихъ женщинъ. Въ 1909 году за недостаткомъ средствъ прекращено.

3) Существовалъ еще ежемѣсячный журналъ «Синъ-кан»—«Духовное Море», начатый 25 сентября 1893 года, но послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, за недостаткомъ средствъ, также прекращенъ.

4) «Православная Бесѣда», («Сэнкё ёва»), ежемѣсячный журналъ, посвященный исключительно рѣчамъ, проповѣдямъ и религиозному выясненію истинъ въ цѣляхъ выработки у вѣрующихъ японцевъ христіанскаго мышленія. Это изданіе существуетъ по нынѣ.

3. Японская духовная семинарія.

Въ Японіи, какъ извѣстно, преподаваніе религіи исключено изъ программъ народныхъ школъ, въ силу чего всѣ религиозныя школы буддистскія, синтоистскія и миссіонерскія считаются школами частными. Такое же положеніе занимаетъ и православная духовная семинарія. Она не даетъ

своимъ воспитанникамъ никакихъ служебныхъ или иныхъ правъ или преимуществъ, и потому необходимо считать, что поступающіе въ нее ученики преслѣдуютъ исключительно цѣли полученія христіанскаго православнаго образованія. Курсъ ея семилѣтній. Число учениковъ варьируется въ зависимости отъ тѣхъ средствъ, которыми располагаетъ семинарія на содержаніе интерната, гдѣ проживаютъ всѣ воспитанники. Въ лучшіе годы число ихъ доходило доста, въ худшіе уменьшалось на половину. Въ первые годы существованія семинаріи, преподавателями въ ней состояли самъ архіепископъ Николай и русскіе члены миссіи, напимѣръ о. Гавріиль (Чаевъ, 1870—1873), о. Владиміръ (Соколовскій, 1879—1886), о. Гедонъ (Покровскій, 1885—87), о. Сергій (Глѣбовъ, 1888—1904), о. Сергій (Старгородскій нынѣ архіепископъ Финляндскій, 1890—1894 и 1898). Позднѣе, когда возвратились въ Японію японцы, окончившіе курсъ въ русскихъ духовныхъ академіяхъ, они заняли мѣста преподавателей, и съ этого времени въ семинаріи преподаваніе пошло исключительно на японскомъ языкѣ. Въ настоящее время, когда переводческимъ отдѣломъ изданы почти всѣ необходимыя для семинаріи учебники, воспитанникамъ сравнительно рѣдко приходится обращаться къ русскимъ поселямъ, что же касается до учителей, то русская богословская литература и до сего дня служить для нихъ необходимымъ источникомъ знаній при разъясненіи всѣхъ сложныхъ богословскихъ вопросовъ. Въ данное время изъ окончившихъ духовныя академіи преподавателями семинаріи состоятъ только трое: Сэнума Иванъ, Ивасава Арсеній и Саикаси Маркъ. Остальными преподавателями являются уже лица, окончившія курсъ семинаріи и прошедшія подготовительный къ преподаванію курсъ при самой семинаріи.

Вопросъ о подготовкѣ преподавателей семинаріи всегда чрезвычайно озабочивалъ покойнаго архіепископа, и ему доставляло

постоянную скорбь сознаніе невозможности должнымъ образомъ оплачивать труды лицъ, окончившихъ курсъ духовныхъ академій. Въ самомъ дѣлѣ Сэнума за всѣ обязанности ректора семинаріи и преподавателя двухъ предметовъ получалъ 60 руб. въ мѣсяцъ и казенную квартиру въ четыре маленькихъ комнаты. Ивасава и Саикаси за преподаваніе богословскихъ предметовъ, для которыхъ они должны пользоваться русскими источниками и зачастую составлять лекціи, получаютъ по 30 руб. въ мѣсяцъ. Естественно при такомъ положеніи вещей, что удержать лицъ, хорошо овладѣвшихъ русскимъ языкомъ, на службѣ миссіи за такое ничтожное вознагражденіе представлялось чрезвычайно затруднительнымъ. Японское правительство предлагало имъ при надобности другія мѣста, и они уходили изъ семинаріи. Всего изъ японской православной миссіи получило высшее богословское образованіе въ Россіи 12 человекъ. Изъ нихъ только три названныхъ преподавателя семинаріи и о. Симеонъ Ми остались на службѣ воспитаннаго ихъ учрежденія. Остальные же ушли изъ миссіи на другую службу: Исагами Петръ—переводчикомъ въ дипломатическую миссію; Кониси Данииль—въ частную коммерческую фирму; Хигуцци Емельянь—учителемъ въ военное училище и затѣмъ переводчикомъ въ военное министерство; Сёзэнъ Сергій—агентомъ Южно-Маньчжурской ж. д., Кавасаки (Минамото) Андрей—въ Нагасаки—переводчикомъ; нѣсколько человекъ изъ кандидатовъ духовной академіи умерло.

Это бѣгство кандидатовъ духовныхъ академій изъ миссіи дѣйствовало на покойнаго владыку удручающе. Архіепископъ Николай, хотя и сознавалъ, что при возрастающей дороговизнѣ жизни въ Японіи много семейнымъ преподавателямъ невозможно жить на тѣ средства, которыя уплачивала имъ миссія, но относился ко всякому оставленію прежнимъ питомцемъ миссіи съ глубокою скорбью. Это бѣгство лицъ выс-

шого образования побудило его в последние годы даже воздерживаться от командирования учеников семинарии в православные духовные академии, к чему онъ самъ относился съ большимъ сожалѣніемъ. Нужно надѣяться, что миссія отыщетъ средства и возобновитъ командированіе семинаристовъ в духовные академии, что для роста православія въ Японіи безусловно необходимо.

Архіепископъ Николай до самыхъ последнихъ дней жизни относился самымъ бдительнымъ образомъ къ ходу дѣлъ семинарии, ректоръ которой почти ежедневно являлся къ нему съ докладомъ. Онъ совѣщался съ преподавательскимъ персоналомъ о всѣхъ необходимыхъ для семинарии ученыхъ трудахъ, входилъ подробно во всѣ нужды школы и зналъ каждаго изъ учениковъ въ лицо и поименно.

Ближайшимъ образомъ дѣлами семинарии вѣдаетъ совѣтъ преподавателей, который представлялъ всѣ свои соображенія и нужды на разсмотрѣніе и утвержденіе архіепископа. Образование въ семинарии дается очень основательное. Съ окончившими курсъ семинаристами можно разсуждать обо всѣхъ богословскихъ вопросахъ и получать отъ нихъ вполне сознательные и свидѣтельствующіе о хорошей подготовкѣ отвѣты. Ученики упражняются въ произношеніи проповѣдей и, по свидѣтельству архіепископа, развитію ихъ чрезвычайно много способствуютъ такъ называемые «энзэцу-кан», т. е. собранія для произнесенія рѣчей и веденія дебатовъ. Эти собранія происходятъ во всѣхъ японскихъ школахъ постоянно, но кругъ обсуждаемыхъ вопросовъ строго ограничивается изучаемыми учениками предметами.

По окончаніи семинарии воспитанники назначаются по большей части на должности катехизаторовъ, лучшие же изъ нихъ оставляются при семинарии для подготовкѣ къ дѣятельности преподавателей.

4. Женская школа.

Женская миссійская школа построена по

образцу, до известной степени, русскихъ епархіальныхъ училищъ, хотя въ значительной мѣрѣ приспособлена къ японскому быту женщины, для каковой цѣли воспитанницамъ даются гораздо больше практическихъ знаний по домоводству и хозяйству. Ученицъ въ ней около 80. Онѣ въ большинствѣ случаевъ—дочери православныхъ христіанъ, выходящія потомъ замужъ за православныхъ же. Преподавателями въ женской школѣ состоятъ въ старшихъ классахъ учителя семинарии, въ младшихъ же классахъ и специальные предметы преподаютъ учительницы.

Миссія содержитъ еще одну православную женскую школу въ Кіото, гдѣ при трехъ учителяхъ имѣется около 20 ученицъ.

Архіепископъ Николай придавалъ огромное значеніе существованію женскихъ школъ, такъ какъ православныя японки отличаются большой религіозностью, и благодаря имъ Церковь получаетъ распространеніе въ странѣ. Нерѣдко бываетъ, что православная дѣвушка выходитъ замужъ за язычника-японца, и въ такомъ случаѣ въ концѣ концовъ обыкновенно вся семья становится православною.

5. Катехизаторская школа.

Катехизаторская школа вызвана была къ жизни необходимостью образования контингента проповѣдниковъ и катехизаторовъ для дѣятельности въ такихъ отдаленныхъ мѣстахъ, куда японское православное духовенство не могло постоянно проникать. Японскіе приходы раскинуты на большомъ пространствѣ, православныхъ храмовъ въ Японіи сравнительно мало, и потому громадное большинство общинъ довольствуется молитвенными домами, находящимися въ завѣдываніи катехизаторовъ. Въ катехизаторскую школу поступали обыкновенно на два или три года уже взрослые православные японцы, обнаруживавшіе стремленіе къ занятію богословскими предметами и проповѣдничеству. Здѣсь они проходили подъ руководствомъ тѣхъ же учителей семинарии

по специальной для нихъ программѣ работанный курсъ наукъ и затѣмъ назначались на мѣста. Нѣкоторые изъ нихъ путемъ саморазвитія приобретали очень основательныя богословскія познанія и отдавались всею душой дѣлу проповѣди. Такимъ образомъ, институтъ катехизаторовъ, получившихъ образованіе въ катехизаторскихъ школахъ, былъ очень полезенъ и сослужилъ японской Церкви хорошую службу.

За послѣднее десятилѣтіе, однако, условія существованія японской православной Церкви, по отзывамъ самихъ христіанъ, сильно измѣнились. Прежде всего поднялъ голову буддизмъ во главѣ со своею сектою Хонганзи. Буддійскія духовныя академіи начали выпускать серьезно образованныхъ проповѣдниковъ и бонзъ, которые фанатически борются съ христіанствомъ всюду, гдѣ они только замѣчаютъ въ населеніи склонность къ отпаденію отъ буддизма. Отъ катехизаторовъ православія требуется поэтому теперь гораздо большая научная подготовка для борьбы съ буддизмомъ. Усиливается равнымъ образомъ и дѣятельность миссіонеровъ протестантскихъ и католическихъ, которые также не прочь иногда вступать въ публичныя собесѣдованія и состязанія съ православными катехизаторами. Все это привело православную Церковь съ архіепископомъ во главѣ къ убѣжденію въ недостаточности богословской подготовки, сообщаемой катехизаторскою школой, и въ 1909 г. новый пріемъ въ нее былъ закрытъ. Средства же, отпущавшіяся на катехизаторскую школу, обращены на развитіе работы въ духовной семинарии, окончившихъ курсъ которой и постановлено назначать отселъ впредь на катехизаторскія должности.

6. *Дитяскій сиротскій пріютъ* и 7. *Иконописный отдѣлъ* представляютъ собою учрежденія недавно лишь основанныя при миссіи и только еще развивающіяся.

8. Церковный хоръ.

Нѣсколько не меньшей доли вниманія и трудовъ со стороны архіепископа Николая

и его сотрудниковъ требовали работы по созданію церковнаго хора и по урегулированію дѣла церковнаго пѣнія въ православной миссіи. Съ самаго начала основанія миссіи архіепископъ Николай придавалъ огромное значеніе перенесенію на японскую почву и русской православной музыки. Въ этомъ отношеніи сотрудниками его явились два лица: 1) покойный нынѣ Я. Д. Тихай и 2) доселѣ здравствующій дяконъ Димитрій Константиновичъ Львовскій.

Тихай, получившій музыкальное образованіе въ регентскихъ классахъ при капеллѣ, пріѣхалъ въ Токио въ 1874 году въ качествѣ учителя пѣнія, въ 1876 году онъ женился на японкѣ, а въ 1883 году поступилъ вторымъ драгоманомъ въ дипломатическую миссію, совмѣщая вмѣстѣ должность псаломщика посольской церкви. На него именно, подъ руководствомъ архіепископа, выпала первая организационная работа по устройству миссійскаго хора, и имъ былъ переложенъ съ китайскаго обиходъ одноголоснаго пѣнія всеоцнаго бдѣнія, литургіи и священныхъ требъ. Тихай оставался въ миссіи до 1885 года.

Д. К. Львовскій прибылъ въ миссію въ качествѣ учителя пѣнія въ 1881 году и немедленно же занялся вмѣстѣ съ Тихаемъ аранжировкою церковныхъ пѣсней. Такъ, ими былъ изданъ обиходъ одноголоснаго пѣнія праздничной и пасхальной службъ, и послѣ большихъ усилій они, наконецъ, организовали четырехголосный хоръ и издали четырехголосное изложеніе всеоцнаго бдѣнія, а затѣмъ четырехголосное же пѣніе литургіи и священныхъ требъ. По отъѣздѣ Тихая изъ Японіи вся работа завѣдыванія церковнымъ хоромъ лежитъ до сего времени на дяконѣ Львовскомъ. Путемъ долгихъ усилій Львовскимъ былъ приготовленъ и отправленъ архіепископомъ Николаемъ въ С.-Петербургъ японецъ Кису для изученія музыки въ здѣшней консерваторіи. Онъ является нынѣ помощникомъ Львовскаго. Былъ и еще одинъ молодой

человѣкъ, обучившійся пѣнію настолько, что могъ дирижировать хоромъ, но въ 1909 г. онъ похищенъ смертью.

Дѣло организации хора и переложение на нашу музыку церковныхъ текстовъ въ японскомъ изложеніи представляетъ собою огромныя трудности, такъ какъ, во-первыхъ, японскіе тексты гораздо длиннѣе славянскихъ, во-вторыхъ, вся конструкция японскаго языка діаметрально противоположна нашей. Если обязанность справляться съ длиннотою текстовъ легла исключительно на Тихая и Львовскаго, то осмысливаніе псѣвъ въ первое время, по недостаточному знанію ими японскаго языка, составило работу преимущественно архіепископа. Чрезвычайную трудность для пѣнія представляетъ собою, наприимѣръ, японскій носовой звукъ «н», являющійся сокращеніемъ изъ слога «ну» или «му» и потому, по требованію японской просодіи, составляющій собою отдѣльный слогъ. Само собою понятно, какую странную трудность для пѣнія представляетъ собою этотъ, къ несчастію очень употребительный въ языкѣ слогъ, когда на него падаетъ въ мелодіи полтактъ или тактъ. Японцы признаютъ совершенно недопустимымъ игнорированіе этого слога, между тѣмъ тянутъ цѣлый тактъ хору одну согласную «н» для нашей музыки равнымъ образомъ невозможно. Съ такими и подобными трудностями приходилось бороться архіепископу и его сотрудникамъ въ дѣлѣ организации церковнаго пѣнія, но какъ бы то ни было, а эти трудности были превзойдены, и хоръ православной духовной миссіи въ Токио, въ составѣ болѣе ста душъ изъ мужскихъ и женскихъ голосовъ, является украшеніемъ японской столицы и конкурируетъ даже съ хоромъ высшей музыкальной школы въ Токио.

9. Библиотека.

Библиотека православной японской миссіи представляетъ собою по истинѣ удивительное учрежденіе. Какимъ образомъ арх.

Николай успѣлъ собрать такую чудную коллекцію книгъ, извѣстно одному Господу Богу! Библиотека эта помѣщается въ спеціальному зданіи, построенномъ со всѣми противопожарными приспособленіями, какія только были возможны. Однихъ европейскихъ книгъ въ ней насчитывается свыше 12.000 названій, изъ коихъ большинство книгъ на русскомъ языкѣ, но много также книгъ англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ. Независимо отъ этого существуютъ также особая коллекція книгъ: японская и китайская.

Миссійская библиотека является удивительнѣйшимъ доказательствомъ аккуратнаго и любовнаго отношенія почившаго архіепископа къ миссійскому дѣлу и миссійской собственности. Каждая получавшаяся книга не только заносилась имъ *собственноручно* въ каталогъ, но послѣ переплета онъ даже самъ наклеивалъ ярлыки и ставилъ книги на полки. Библиотека и до сихъ поръ, въ глазахъ православныхъ японцевъ, составляетъ какъ бы святилище, куда доступъ разрѣшается только лицамъ, преданнымъ научнымъ занятіямъ и стяжавшимъ себѣ полное довѣріе архіепископа. До самыхъ послѣднихъ лѣтъ архіепископъ собственноручно въ назначенные часы выдавалъ книги изъ этой библиотеки, собственноручно записывалъ ихъ въ отпускной журналъ и собственноручно дѣлалъ отмѣтки о возвращеніи. Ясно, что при такомъ порядкѣ библиотека оставалась и остается въ идеальномъ порядкѣ и сохранности. Только въ самое послѣднее время выдача и получение книгъ довѣрялась владыкою ректору семинаріи Сэнума.

Всякому понятно, какой огромной затраты силъ и энергіи со стороны архіепископа потребовало проведеніе въ жизнь вышеизложенной организации православной духовной миссіи. Ему недостаточно было только дать другимъ идею каждаго изъ вышеназванныхъ учреждений миссіи, но требовалось прежде всего самому лично стать и исполнителемъ этой идеи, продѣлать почти единолично всю черную учре-

дительскую работу, подготовить людей, которые могли бы продолжать начатое имъ дѣло, отыскать для учрежденія помѣщеніе и средства, выработать его бюджетъ, и постоянно сразмѣрять этотъ бюджетъ со средствами миссіи, всячески воздерживаясь отъ неосторожнаго расширенія дѣла, на веденіе котораго не хватало бы средствъ. Такъ, онъ самъ былъ первымъ переводчикомъ, онъ былъ первымъ ректоромъ, преподавателемъ и экономомъ семинаріи, велъ катихизаторскіе курсы, организовалъ женскую школу и дѣтскій пріютъ и внушилъ способнымъ къ живописи японцамъ идею воспользоваться имѣющимися въ соборѣ образцами русской православной живописи и начать подражать имъ. Но эта вся работа была для архіепископа только радостью и утѣшеніемъ, хети протекала она далеко не въ легкихъ условіяхъ.

Окидывая общимъ взглядомъ всю жизнь почившаго арх. Николая, мы должны по чистой совѣсти сказать, что до послѣднихъ лѣтъ, она далеко не была усыпана розами, и въ этомъ отношеніи терновый вѣнецъ на него налагался одинаково и японскимъ и русскимъ обществомъ.

Въ Японіи, какъ уже извѣстно, архіепископу приходилось всю жизнь до самыхъ послѣднихъ дней бороться съ ненавистью. На него, какъ на крупную фигуру, обрушилась вся злоба, душившая японское общество по отношенію къ Россіи до послѣдней войны. Начиная съ жреца Саваба, желавшаго убить архіепископа, проявленіе ненависти со стороны японцевъ преслѣдовало владыку постоянно. Безъ преувеличенія миллионы газетныхъ статей за эти 50 лѣтъ объявляли его «ротаномъ», т. е. русскимъ шпиономъ. Православные христіане назывались въ Японіи: «Никораи по яцу», т. е. Николаевскіе негодяи или «Суругадаи по яцу», т. е. Суругадайскіе негодяи. Всякій шагъ архіепископа на почвѣ распространенія православія и апостольскаго служенія толковался печатью какъ зловерный для Японіи, всякое открытіе

молитвеннаго дома или церковной общины трактовалось какъ расширеніе сѣти русскихъ шпионовъ, опасное для государственной независимости Японіи. Когда же архіепископъ вздумалъ соорудить Суругадайскій храмъ, то злоба японцевъ совершенно не имѣла границъ. Строились самые фантастическіе планы для того, чтобы помѣшать постройкѣ церкви, причемъ все это дѣлалось на почвѣ патріотизма. Въ расположеніи православнаго храма на высокомъ холмѣ Суругадаи усматривали опасность для императорскаго дворца и чуть ли не оскорбленіе величества. Если биографъ покойнаго архіепископа вздумаетъ когда-либо собрать всѣ тѣ клеветы, которыя распространяла про покойнаго японская пресса, то его изданіе займетъ десятки, если не сотни томовъ.

Только послѣ японо-русской войны отчасти подѣ впечатлѣніемъ удовлетворенной національной гордости, отчасти на дѣлѣ убѣдившись, какъ далека была вся дѣятельность покойнаго владыки отъ политическихъ интригъ, японское общество начало смотрѣть на него разумнѣе и сознавать свою несправедливость. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характернымъ является отзывъ одной изъ самыхъ шовинистическихъ и русофобскихъ газетъ «Ниппонъ», напечатанный объ арх. Николаѣ въ 1909 году. «Если бы архіеп. Николай былъ рожденъ въ другой странѣ и принадлежалъ къ другой церкви, писала эта газета, онъ былъ бы высоко уважаемъ нашимъ народомъ, какъ талантливый иностранецъ, имѣющій самыя разнообразныя и тѣсныя отношенія съ японцами, оказавшій странѣ большія услуги и любящій послѣднюю, какъ свою вторую родину. Но какъ русскій по происхожденію и епископъ греческой Церкви, о. Николай пользуется, въ лучшемъ случаѣ, индифферентнымъ отношеніемъ со стороны японцевъ». И этотъ отзывъ нельзя не называть въ высокой мѣрѣ справедливымъ.

Какое же было отношеніе къ архіепископу Николаю со стороны русскихъ?

Намъ всѣмъ прекрасно извѣстно отношеніе русскаго общества къ Японіи до японо-китайской войны. «У всякаго, писавша въ одной изъ своихъ статей архіепископъ, при упоминаніи объ японцахъ рисуется въ воображеніи только какая-то фигура въ халатѣ, смѣшно присѣдающая и хихикающая». Въ этотъ періодъ отношенія русскихъ къ архіеп. Николаю съ его занятіями японскимъ языкомъ и китайскою письменностью было въ лучшемъ смыслѣ снисходительно-насмѣшливое и покровительственное, какъ къ умственной ограниченности, въ худшемъ же совершенно презрительное. Намъ, занимающимся языками Дальняго Востока, отлично еще памятни тѣ времена, когда открыто высказывались взгляды, что «заниматься іероглифическою письменностью и языками могутъ только идиоты», а объ японской прессѣ иначе не говорили, какъ только снисходительно искажая слова: «Ну что, какъ у васъ тамъ ваши Ничи-Ничи» или «Жи-жи» или «Хоци-симбуны?»

Какъ на наглядный примѣръ того, насколько мало въ Россіи считались со взглядами архіепископа Николая на Японію и ея значеніе для Россіи, насколько мало цѣнили его занятія японскимъ языкомъ и придавали имъ какую-либо реальную стоимость, достаточно указать на фактъ полнаго небреженія его докладами и литературными трудами, имѣющими всецѣло общечеловѣческое значеніе. Въ 1869 году, на примѣръ, когда архіепископъ Николай ходатайствовалъ въ С.-Петербургѣ объ основаніи православной японской миссіи, имъ подана была директору тогдашняго Азіатскаго Департамента Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Стремоухову записка, въ которой излагался обзоръ исторіи, религіи, государственнаго строя и условій жизни Японіи и доказывалась идея о большой государственной будущности этой страны, вполнѣ оправданная послѣдующими событіями. Въ этой запискѣ не имѣлось никакихъ ни секретовъ, ни политическихъ со-

общеній. И что же? Она пролежала въ архивахъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ цѣлыхъ 39 лѣтъ, пока, наконецъ, какими-то судьбами оказалась извлеченною изъ пыли и напечатанною на страницахъ апрѣльской книжки Русскаго Архива за 1907 г., подъ заглавіемъ «Японія». Докладная записка іеромонаха Николая П. Н. Стремоухову, 1869 г. «Можно ли искать большаго игнорированія челоѣка, большаго пренебреженія къ его трудамъ надъ изученіемъ никому невѣдомой тогда Японіи?»

Если такъ относились къ дѣятельности архіепископа Николая сферы, ближайшимъ образомъ, казалось бы, заинтересованныя въ его работѣ, то о кругахъ, вообще скептически мыслящихъ о пользѣ миссіонерства, и говорить было нечего: имъ покойный владыка былъ прямо бѣльмомъ на глазу.

Такимъ образомъ дѣлавшаго свое прямое, святое культурное дѣло и ни въ чемъ кромѣ этого неповиннаго архіепископа Николая травили съ двухъ сторонъ: японцы, — какъ русскаго политическаго агента, шпіона, агитатора, сѣющаго на японской почвѣ измѣну и симпатіи къ вѣроломной, хищнической Россіи; русскіе, — какъ дѣятеля, сообщающаго Японіи о Россіи то, чего ей не нужно знать, подготовляющаго изъ японцевъ знатоковъ русскаго языка и расточающаго русскія деньги для того, чтобы готовить враговъ Россіи. Дѣятельность архіепископа объявлялась такимъ образомъ не только бесполезною, но и вредною, а на него самого многіе въ Россіи смотрѣли просто какъ на охваченнаго странною маніей оригинала. Нечего и говорить, что работать подъ этими условіями въ теченіе 50 слишкомъ лѣтъ можно, только обладая нечеловѣческой силой воли.

Архіепископа Николая спасли для дѣла двѣ, руководившія имъ во всю жизнь, идеи: первая — идея апостольскаго служенія, подвига распространенія православія среди язычниковъ; вторая — горячее убѣжденіе, добытое путемъ изученія исторіи Японіи и проверенное опытомъ, въ томъ, что его

работа должна стоять внѣ всякой связи съ политикой, что она носитъ чисто религіозный характеръ и не допускаетъ никакихъ дѣловыхъ сношеній съ Россіей, кромѣ какъ на почвѣ чистой религіи.

Кромѣ этихъ общихъ, крайне тяжелыхъ условій повседневной жизни, архіепископу выпадали отъ времени до времени тяжелыя испытанія и церковнаго нестроения, съ которыми приходилось ему бороться не одною только ласкою, примѣромъ личнаго подвига и настойчивостью, но и примѣненіемъ архипастырскаго права власти на благо и для спасенія дѣла японской православной Церкви.

Намъ очень мало извѣстно доселѣ о внутренней жизни Церкви въ Японіи. Но нельзя сказать, чтобы она всегда шла совершенно гладко и спокойно, и чтобы архіепископу Николаю не приходилось переживать тяжелыхъ минутъ.

Въ этомъ отношеніи много скорби доставляло ему неумѣренное стремленіе молодыхъ членовъ японской Церкви къ ея самостоятельности и независимости отъ Церкви русской, такъ называемый вопросъ о «докурицу» (т. е. самостоятельности). Исходною точкою сторонниковъ этой идеи было признаніе справедливости тѣхъ упрековъ, которые дѣлались православной японской Церкви со стороны японскихъ патриотовъ, обвинявшихъ православныхъ японцевъ въ измѣнѣ отечеству и въ томъ, что они существуютъ на получаемыя средства отъ Россіи, которая стремится якобы черезъ православіе распространить свое политическое вліяніе на Японію и присоединить ее къ своимъ владѣніямъ. Во время поѣздки архіепископа въ Россію въ 1879—1880 г.г. эти реформаторы организовали специальное общество, называвшееся «Юсигикаи», т. е. «Общество, стремящееся къ справедливости», и выработали проектъ полнаго преобразования церковнаго управленія и особенно завѣдыванія ея деньгами. Подъ этимъ проектомъ подписался между прочимъ ближайшій сотрудникъ архіепископа Николая о. Павелъ Саваба

и затѣмъ катехизаторы Цуда, Исуги, Канамори, Саваидэ и др. Всѣхъ этихъ реформаторовъ, очень хорошихъ христіанъ, мы описывали какъ идеалистовъ, не имѣвшихъ никакого понятія ни въ управленіи Церковью, ни вообще въ практической жизни. Ихъ чрезвычайно смущалъ фактъ полученія Церковью денегъ изъ Россіи, про которое тогдашніе руссофобы чрезвычайно любили говорить японской пословицей: «абу во цуцунте, хаби во дасу», т. е. потряси кусть и вытрясешь змѣю (которая тебя ужалила).

Преосвященный Николай отлично сознавалъ всю незрѣлость и необдуманность подобныхъ стремленій. Онъ очень хорошо зналъ, что православная Церковь въ Японіи, не успѣвшая еще окрѣпнуть, не имѣющая ни монашествва, ни достаточнаго числа лицъ съ высшимъ богословскимъ образованіемъ, ни матеріальныхъ средствъ для содержанія церквей, миссіи съ ея учрежденіями и школами и духовенства, не въ силахъ пока существовать самостоятельно; поэтому, по возвращеніи изъ Россіи, онъ принялъ въ отношеніи къ обществу «Юсигикаи» мѣры большой строгости. Отецъ Павелъ Саваба былъ переведенъ изъ Токіо въ провинцію, нѣкоторые катехизаторы уволены со службы, а другіе удалены въ глухіе приходы.

Идея о самостоятельности японской Церкви никогда не прекращала своего существованія въ ней, и архіепископъ являлся самымъ первымъ и горячимъ ея сторонникомъ. Но онъ строго, даже безпощадно относился ко всѣмъ тѣмъ японцамъ, которые подъ прикрытіемъ этой идеи фактически желали взять въ свои руки только завѣдываніе получасомъ Церковью субсидіей. По отношенію къ такимъ лицамъ, у архіепископа былъ всегда только одинъ отвѣтъ: «всѣ тѣ суммы, которыя собираютъ православные съ японцевъ, поступаютъ естественнымъ образомъ въ распоряженіе церкви и расходуются по усмотрѣнію приходскихъ совѣтовъ. Что же касается

до суммъ, получаемыхъ изъ Россіи, то онѣ находятся въ распоряженіи начальника православно-японской миссіи и распределение ихъ зависитъ исключительно отъ его усмотрѣнія».

Нельзя сказать, чтобы охотниковъ на завѣдываніе русскою субсидіею въ японской Церкви было мало. Въ 1910 году сторонники этихъ притязаній, главнымъ образомъ міряне, составили даже особые виѣсборныя засѣданія, о которыхъ въ газетахъ помѣщалось множество статей. Когда ихъ засѣданія окончились, то архіепископъ собралъ ихъ на общее совѣщаніе съ духовенствомъ и произнесъ большую рѣчь о необходимости для японской Церкви изысканія самостоятельныхъ средствъ для поддержанія своего существованія. При этомъ онъ прямо и открыто обратился къ инициаторамъ движенія съ подписнымъ листомъ, назвалъ суммы ихъ годового заработка и потребовалъ, чтобы они здѣсь же подписались пропорціонально своему достатку. Такимъ прямымъ оборотомъ дѣла они были такъ сконфужены, что не могли ничего отвѣтить, и одинъ изъ нихъ послѣ этого, кажется, даже вышелъ изъ православной Церкви. Архіепископъ же на другой день помѣстилъ за подписью своего секретаря въ лучшей японской газетѣ «Зизи-симпо» описаніе этого совѣщанія и изложилъ совершенно открыто вышеуказанный свой взглядъ на правильную, по его мнѣнію, постановку завѣдыванія церковными средствами.

Вопросъ о полученіи японскимъ духовенствомъ содержанія отъ прихода былъ всегда одною изъ самыхъ основныхъ заботъ архіепископа. Онъ не усталъ говорить о немъ при каждомъ удобномъ случаѣ и разсылалъ о немъ цѣлый рядъ пастьрекихъ посланій къ христіанамъ. Посланія эти чрезвычайно практичны, дѣловиты и поучительны и даютъ намъ совершенно ясное понятіе о матеріальномъ положеніи какъ японской православной Церкви, такъ и тамошняго духовенства, а

потому я позволю себѣ предложить вниманію читателей одно изъ такихъ посланій архіепископа съ разъяснительнымъ къ нему дополненіемъ.

Окружное письмо къ христіанамъ японской православной Церкви.

Возлюбленные братья и сестры во Христѣ, благословеніе Божіе да освѣщаетъ всѣхъ васъ, и да помогаетъ вамъ и всей Церкви Божіей возрастать изъ силы въ силу.

Господь нашъ Іисусъ Христосъ, посылая Своихъ учениковъ на проповѣдь Евангелія, не велѣлъ имъ заботиться о ихъ пропитаніи, а сказалъ имъ, что служащіе и принимающіе ихъ будутъ питать ихъ. Вотъ слова Господа: «жатвы много, а дѣлателей мало... идите... не берите ни мѣшка, ни сумы, ни обуви... въ какой домъ войдете, сперва говорите: миръ дому сему... въ домъ томъ оставайтесь, ѣшьте и пейте, что у нихъ есть, ибо трудящійся достоинъ награды за труды свои» (Лук. 10, 2—7. М. 10, 9—11). Что Господь установилъ, то всегда исполнялось, всегда и должно исполняться. Служащіе проповѣди отъ проповѣди должны питаться; вообще, служащіе Церкви отъ Церкви должны получать свое содержаніе. Но здѣсь, въ японской Церкви это еще не вошло въ обычай. Чтобы подать примѣръ христіанской благотворительности, иностранцы христіане до сихъ поръ жертвовали на содержаніе здѣшнихъ проповѣдниковъ Евангелія и всѣхъ служащихъ. Неизвѣстно, долго ли это продлится; во всякое время японская Церковь должна быть готова принять своихъ служащихъ на полное свое содержаніе. Но теперь еще обычное пожертвованіе иностранныхъ христіанъ приходитъ; только съ постепеннымъ увеличеніемъ числа служащихъ Церкви и въ то же время съ постепеннымъ возрастаніемъ цѣвъ на всѣ жизненные предметы, сдѣлалось оно крайне недостаточнымъ; оттого наши проповѣдники крайне бѣдствуютъ. Почти всюду христіане просятъ

къ себѣ катехизаторовъ семейныхъ, и наши катехизаторы почти всѣ семейные. Получаютъ же они отъ миссіи на свое содержаніе: катехизаторскіе ученики 10 іэнъ¹⁾ въ мѣсяцъ, помощники катехизаторовъ 12 іэнъ, катехизаторы 14 іэнъ, и изъ нихъ самые многосемейные 16 и иногда 18 іэнъ. Истинно удивляться нужно, какъ Господь хранить ихъ отъ голодной смерти, какъ они съ своими семействами питаются, одѣваются и имѣютъ все прочее для жизни на такія малыя средства. Правда, въ нѣкоторыхъ церквахъ христіане отъ себя оказываютъ помощь, но и это весьма недостаточно. Такъ не можетъ продолжаться далѣе. Возлюбленные братья и сестры! Умоляю васъ исполнить заповѣдь Божію, позаботьтесь о содержаніи вашихъ проповѣдниковъ. Если мы посѣляли въ васъ духовное, велико ли то, если пожнемъ у васъ тѣлесное? (1 Кор. 9, 11), писалъ апостолъ Павелъ Коринѣскимъ христіанамъ. Слово его простирается и къ вамъ о преподававшихъ вамъ Евангеліе душевнаго спасенія. Помогите имъ, кто чѣмъ можетъ: служащій государству—отъ своего жалованья, купецъ—отъ предметовъ своей торговли, земледѣлецъ—отъ плодовъ своей нивы, ремесленникъ—отъ своихъ издѣлій и пр. Кто богатъ, давай отъ своего избытка, кто бѣденъ, отдѣлай и отъ скудости своей. И всякій дѣлай это съ радостью, въ той мысли и въ той увѣренности, что это есть руками человѣческими приносимая жертва Богу, ибо по Божію повелѣнію и въ угожденіе Богу это дѣлается. Помни всякій, что это будетъ не только тѣлесная помощь проповѣднику, но и духовная: проповѣдникъ, получая тѣлесное, одушевится благодарностью и вышею любовью къ благодѣляющимъ ему и большею ревностью къ исполненію своей духовной обязанности; а отсюда произойдетъ большой успѣхъ проповѣди и оживленіе, и возрастаніе Церкви Божіей вездѣ, гдѣ это будетъ твориться. Итакъ, да возгрѣетъ Господь Своєю благо-

¹⁾ 1 іэнъ равенъ приблизительно 1 рублю.

дату въ вашихъ сердцахъ ревность къ исполненію Его святой воли о проповѣдующихъ вамъ слово спасенія.

Архіепископъ Николай.

Нѣсколько времени спустя, владыкою было разослано дополненіе къ этому письму, ставившее вопросъ о содержаніи духовенства на строго практическую почву. Вотъ это посланіе:

Возлюбленные братья и сестры.

Благодать Господа нашего Іисуса Христа да изливается обильно на васъ всѣхъ.

Въ окружномъ письмѣ я убѣждалъ васъ, сообразно съ волею Божіею, позаботиться о содержаніи вашихъ катехизаторовъ. Чтобы успѣшнѣе это было исполнено, считаю нужнымъ предложить вамъ въ руководство слѣдующія правила.

1) Непремѣнно всѣ смогрите на помощь, оказываемую въ содержаніи катехизаторамъ, какъ на пожертвованіе Богу, ибо это дѣйствительно есть таковое, какъ дѣлаемое по повелѣнію Божію и въ угожденіе Богу. Эта увѣренность удержитъ васъ отъ смущенія и неохоты жертвовать, если вы увидите, что катехизаторъ не всегда ревностно исполняетъ свои обязанности. Да не смущаетъ васъ это. Катехизаторъ отвѣтитъ Богу за свое небреженіе; вы же исполните свой долгъ, не переставая приносить Богу вашу жертву, и будете имѣть похвалу отъ Бога. Не переставайте приносить Богу разъ опредѣленное и обѣщанное даже и тогда, когда по какимъ-нибудь причинамъ катехизатора нѣтъ въ вашей церкви, на примѣръ, онъ посланъ священникомъ временно для проповѣди въ другое мѣсто, или же при расpredѣленіи служащихъ Церкви, по недостатку катехизаторовъ, вы оставлены на нѣкоторое время безъ катехизатора. Сдѣлайте для себя обычаемъ, привычкою обѣщанное Богу непремѣнно приносить Ему, не смотря ни на какія обстоятельства,—и тогда основаніе самостоятельности вашей церкви будетъ положено; вы перестанете быть, какъ теперь, въ зависимости отъ ино-

странной Церкви, и въ постоянномъ опасеніи, что при внезапномъ отнятіи отъ васъ постоянной помощи, ваша Церковь подвергнется страшному бѣдствію потерять всѣхъ своихъ служащихъ. Считаю умѣстнымъ продолжить нѣсколько объ этомъ. Устроить содержание служащимъ Церкви предметъ не легкой. Трудность его испытывали у всѣхъ народовъ, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ возникла Церковь Божія. И нигдѣ не открыто другого лучшаго средства содержанія служащихъ церкви, какъ добровольныя пожертвованія людей, составляющихъ Церковь. И никогда, до скончанія міра, не будетъ открыто другого, болѣе совершеннаго, средства, потому что такъ установилъ Богъ, и не только устнымъ повелѣніемъ установилъ, но, когда явился въ человѣческомъ образѣ на землю, Самъ же подавъ примѣръ подчиненія сему постановленію. Смотрите, Господь нашъ Иисусъ Христосъ, немногими хлѣбами чудесно насыщавшій тысячи народа, Самъ съ Своими учениками, во время Своего земного служенія чѣмъ питался? чѣмъ содержался? Добровольными приношеніями слушавшихъ Его учение,—для чего у учениковъ Его были кошельки, въ который влагались приношенія, употреблявшіеся на нужды Его и Апостоловъ, составлявшихъ въ то время число служителей Церкви. Всемогушій Господь могъ бы сотворить и указать сотни и тысячи способовъ содержанія служащихъ Церкви, но Онъ указалъ только одно приношеніе лицъ, составляющихъ Церковь. И причина сего такъ ясна, что ее и объяснять много не нужно. Спаситель сказалъ: «гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше» (Мат. 6, 21). Ты жертвуешь на Церковь сокровище твое, быть можетъ, тяжелымъ трудомъ добытое тобою; понятно, что вмѣстѣ съ сокровищемъ твоимъ идетъ и сердце твое въ жертву Богу; ты непременно и мысля и чувствомъ участвуешь въ дѣлѣ Церкви, а не остаешься холоднымъ зрителемъ его; итакъ, вмѣстѣ съ твоею матеріальною помощью катехизатору, твою мысль, твое

чувство, твое участливое слово, твоя молитва помогаютъ ему въ служеніи его. Такъ и творится общее дѣло церкви всѣми членами, составляющими Церковь; катехизаторъ и священникъ проповѣдью и священнослуженіемъ въ церкви творять это дѣло, ты трудомъ рукъ своихъ и душевнымъ участіемъ помогаешь въ сему твореніи; благодать Господа, всегда пребывающаго въ Церкви Своей, невидимо содѣйствуетъ круговращенію этого взаимнаго труда церковнаго; и такимъ образомъ совершается это духовное кровообращеніе въ тѣлѣ Церкви, и тѣло растетъ изъ силы въ силу. Такъ ли теперь въ японской Церкви? Нѣтъ, не такъ. Теперь служащій церкви получаетъ содержаніе отъ миссіи и не считаетъ себя ничѣмъ обязаннымъ мѣстнымъ христіанамъ, оттого и истиннаго чувства любви къ нимъ и попеченія о нихъ не можетъ возбудиться у него; мѣстные христіане, ничѣмъ крѣпко не связанные съ нимъ, холодно относятся къ нему и его дѣлу; и церковное дѣло не творится какъ должно, такъ какъ нѣтъ къ нему должнаго взаимнаго участія служащихъ церкви и христіанъ; оттого наши церкви такъ мало возрастаютъ, не являютъ себя оживленными, а находятся какъ бы въ полусонномъ состояніи. Совѣмъ другое будетъ, когда христіане матеріальною помощью, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сердечнымъ участіемъ и добрымъ словомъ и совѣтомъ примутъ участіе въ дѣлѣ Церкви, а служащіе церкви, отвѣчая на все это сердечною признательностью и любовью, одушевятся къ исполненію своего служенія всѣми своими душевными силами. Кремень и сталь, близко лежа другъ къ другу, не даютъ искры и не дадутъ до тѣхъ поръ, пока не ударятся другъ о друга,—тогда только посылаются искры, возжжется огонь и засіяетъ яркимъ свѣтомъ.

2) Итакъ, въ удобное всѣмъ время, собравшись и помолившись Богу, разсудите, кто, что и сколько можетъ приносить на содержаніе служащихъ церкви. При семъ

буду говорить вамъ словами св. апостола Павла: «не требуется, чтобы другимъ было облегченіе, а вамъ тяжесть, но чтобы была равномѣрность» (2 Кор. 8, 13). При семъ скажу: кто сѣетъ скупю, тотъ скупю и пожнетъ. Каждый удѣляя по расположенію сердца, не съ огорченіемъ и не съ принужденіемъ; ибо доброхотно дающаго любить Богъ. Богъ же силенъ обогатить васъ всякою благодатію, чтобы вы всегда и во всемъ имѣли всякое довольство, были богаты на всякое доброе дѣло, какъ написано: расточилъ, раздалъ нищимъ; правда его пребываетъ въ вѣкъ (Псал. III, 9). Дающій же сѣмъ сѣющему и хлѣбъ въ пишу подаетъ обиліе посѣянному вами и умножитъ плоды правды вашей такъ, чтобы вы всѣмъ были богаты на всякую щедрость, которая чрезъ васъ приноситъ благодареніе Богу (2 Кор. 9, 6—11).

3) Опредѣливши, кто, что и сколько можетъ жертвовать, для удобства расpredленія этого служащимъ церкви, переведите все на денежный счетъ. Напримѣръ, земледѣлецъ N даетъ столько-то рису,—на деньги это будетъ составлять столько-то; N даетъ столько-то мѣшковъ угля, деньгами это будетъ столько-то, и проч. и проч. Итого, всего мѣстною Церковью на ежемѣсячное содержаніе служащихъ церкви будетъ даваться столько-то іэнъ.

4) Какъ же распредѣлять жертвуемое? По моему мнѣнію, на первый разъ слѣдующимъ образомъ:

Катехизат. учен., безсемеіному, въ мѣс.	1 іэнъ.
Катехизатору учен. семейному, »	2 іэна.
Помощ. катехизат., безсемеіному, »	2 »
» » семейному, »	3 »
Катехизатору безсемеіному, »	2 »
» » семейному, »	4 »

Катехизатору въ санѣ дьякона, котораго содержаніе нынѣ 20 іэнъ, прибавить 5 іэнъ.

5) Въ окружномъ письмѣ я писалъ, что настоятельно нужно позаботиться о прибавкѣ содержанія катехизаторамъ, отъ скудости содержанія, особенно бѣдствующимъ. Но и священники, которыхъ обыкновенное содержаніе нынѣ 25 іэнъ; также имѣютъ

нужду въ прибавкѣ къ сему; они всѣ семейные и почти всѣ многосемейные; притомъ же у нихъ бываетъ увеличеніе расходовъ оттого, что къ нимъ стекаются христіане ихъ церквей. Итакъ, по удовлетвореніи особенно вопіющей нужды катехизаторовъ, что останется отъ вышеозначеннаго употребленія на нихъ, то мѣстныя церкви пусть отсылаютъ священникамъ на добавленіе къ ихъ содержанію. Вездѣ, гдѣ найдется возможность, слѣдуетъ прибавить священникамъ къ нынѣшнему ихъ содержанію, по моему мнѣнію, не меньше 10 іэнъ въ мѣсяцъ.

6) Если священникъ изъ всѣхъ церквей своего вѣдѣнія получить 10 іэнъ, которые должны идти въ добавокъ къ его содержанію отъ миссіи, то излишекъ онъ пусть отсылаетъ въ миссію, на содержаніе церковныхъ учебныхъ заведеній. Церкви не можетъ обойтись безъ школъ, иначе число служащихъ церкви скоро оскудѣетъ. А на содержаніе школъ, съ возрастающими цѣнами на все, также стало недоставать жертвующаго изъ Россіи. Да и это жертвуемое не всегда будетъ приходить; наступитъ время,—и быть можетъ оно близко,—когда совѣмъ прекратится эта иностранная помощь,—такъ что японской Церкви нужно готовиться и къ принятію этой статьи расхода на свои средства.

7) Христіане, жертвуя на содержаніе своихъ служащихъ церкви, имѣютъ право и должны ожидать, чтобы служащіе ревностно исполняли свои обязанности. Если катехизаторъ не дѣлаетъ этого, то христіане, устроивши церковное собраніе и основательно разсудивъ и уяснивъ недостатки въ служеніи катехизатора, т. е. что онъ дѣлаетъ проповѣдывать язычникамъ, или не заботится о дальнѣйшемъ религіозномъ наученіи и руководствѣ христіанъ, или оставляетъ ихъ дѣтой безъ наученія вѣрѣ, и под., должны представить катехизатору, что они ожидаютъ отъ него достодолжнаго исполненія его обязанностей. Если катехизаторъ послѣ этого замѣчанія не исправится,

или, исправившись на короткое время, опять облѣнится, то церковный совѣтъ долженъ представить дѣло священнику и просить его о вразумленіи ихъ катехизатора. Если же и вразумленіе отъ священника не обратитъ катехизатора къ болѣе дѣятельному служенію, то совѣтъ христіанъ мѣстной церкви и священникъ представляютъ объ этомъ миссіи, которая исключаетъ катехизатора, какъ негоднаго къ служенію, изъ числа служащихъ церкви.

8) Для сбора, хранения и распредѣленія пожертвованій на служащихъ церкви вездѣ по церквамъ должны быть избраны христіане изъ ихъ среды, благонадежные старосты, а ими заведены точныя записи, которыя во всякое время должны быть доступны обзору христіанъ и должны быть свидѣтельствуемы священникомъ и благочиннымъ при посѣщеніи ими церкви и по-вѣряемы ими въ присутствіи христіанъ.

Господь Богъ, въ прославленіи святого имени Своего въ любезномъ отечествѣ нашемъ и въ душевное спасеніе всѣхъ васъ, да поможетъ вамъ привести въ исполненіе нынѣ предлагаемое вамъ».

Архіепископъ Николай.

Далѣе архіепископу Николаю доставляло всегда скорбь сознаніе чрезвычайной трудности основанія въ японской Церкви монашества. Какъ епископу, такъ и его со-трудникамъ-русскимъ, Церковь безъ монашества представлялась всегда чѣмъ-то незаконченнымъ. Кромѣ того безъ монашества японская Церковь не можетъ надѣяться и на рукоположеніе туземнаго епископа, который могъ бы стать со временемъ во главѣ ея. Архіепископъ и его сотрудники настолько были озабочены вопросомъ о насажденіи монашества въ японской Церкви, что приобрѣли даже участокъ земли въ мѣстности Тоносавы, въ горахъ Хаконэ, для того, чтобы устроить тамъ монастырь, но доселѣ на этомъ поприщѣ имъ не удалось ничего сдѣлать.

Архіепископу одно время казалось, что онъ совсѣмъ близокъ къ осуществленію

этой мысли. Въ восьмидесятыхъ годахъ его расположеніе приобрѣлъ одинъ катехизаторъ, котораго я не буду называть здѣсь по имени, обнаружившій чрезвычайныя дарованія и краснорѣчіе. По отзывамъ японцевъ, онъ обладалъ такимъ огнемъ въ словѣ, которое увлекало за нимъ всѣхъ слушателей, и кромѣ того отличался весьма строгимъ образомъ жизни. Архіепископъ Николай возлагалъ очень большія надежды на этого катехизатора, безгранично довѣрялъ ему и, по выраженному имъ желанію, постригъ его въ монахи и поставилъ іеромонахомъ. Его перевели для отправленія священническихъ обязанностей въ одинъ изъ важнѣйшихъ кварталовъ Токио, Коозимацѣ, гдѣ была устроена церковь. Здѣсь новый іеромонахъ обставилъ себя съ нѣкоторою пышностью, имѣлъ часто двухъ священниковъ, съ которыми служилъ соборно, бралъ съ Суругады изъ хора лучшіе голоса и имѣлъ въ своемъ распоряженіи много катехизаторовъ. Онъ проявлялъ большое усердіе къ проповѣди, и его таланты привлекали къ нему такъ много слушателей, что церковь въ Коозимацѣ въ одинъ годъ увеличилась вдвое. Кромѣ дѣятельности по церкви, въ Коозимацѣ были открыты тогда іеромонахомъ вторая катехизаторская школа и женское училище, куда было собрано значительное количество ученицъ и учительницъ.

Въ это время, пользуясь своимъ вліяніемъ у архіепископа, іеромонахъ началъ уже проявлять отрицательныя стороны своего характера: самовластіе и чрезвычайную партійность. Онъ организовалъ вокругъ себя своихъ сторонниковъ и началъ обнаруживать неумѣренное честолюбіе. При соборномъ строѣ японской православной Церкви это не могло продолжаться долго, на соборахъ духовенство стало обращать вниманіе архіепископа на эту сторону дѣятельности іеромонаха. Далѣе въ Церкви начали циркулировать слухи о нарушеніи іеромонахомъ обѣта цѣломудрія, послѣ чего Церковь прямо потребовала отъ архіепис-

скопа производства слѣдствія и дознанія. Слѣдствіе было возложено на одного пользующагося общимъ и полнымъ довѣріемъ Церкви діакона, который подтвердилъ справедливость обвиненій, и въ 1891 году съ іеромонаха былъ снятъ санъ. Обнаруженные имъ таланты и сформированіе цѣлой партіи сторонниковъ долго однако отражались на спокойствіи Церкви въ Коозимацѣ. Прихожане не желали подчиняться вновь назначенному священнику, и прошло значительное время, равное нежеліе все успокоилось.

Съ тѣхъ поръ архіепископъ не считалъ возможнымъ ни одного изъ японцевъ посвящать въ монашество въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, и только въ 1908 году, по представленію служащаго на Хоккайдѣ священника Романа Фукуи, былъ рукоположенъ въ іеродіакона уже пожилой катехизаторъ Моисей Минато. Это единственный японецъ, носящій нынѣ инокскій санъ.

Урегулированіе епископомъ неумѣренныхъ стремленій японской молодежи къ самостоятельности Церкви и неоправданіе іеромонахомъ, возлагавшихся на него архіепископомъ надеждъ, являются единственными случаями нѣкотораго раздора и несогласій во внутренней жизни японской Церкви, о которыхъ мнѣ удалось узнать во время пятилѣтняго пребыванія въ Японіи и общенія съ православными японцами. Нельзя не сказать, что для полувѣкового существованія цѣлой Церкви это удивительно малая сумма отрицательныхъ сторонъ.

V.

Дѣятельность архіепископа Николая въ области сближенія Японіи и Россіи.

Отдавъ свою жизнь просвѣщенію Японіи христіанствомъ, архіепископъ Николай вмѣстѣ съ тѣмъ оставался горячо любящимъ сыномъ своей родины. Когда онъ ѣхалъ молодымъ человѣкомъ въ Японію, его душа

жаждала одного только апостольскаго подвига. Но затѣмъ, познакомившись съ географіею и исторіею Восточной Сибири и выяснивъ себѣ исторію японо-русскихъ отношеній, онъ не могъ остаться и никогда не оставался безучастнымъ къ вопросу о сближеніи между Японіей и Россіей. Его существу были чужды всѣ тѣ приемы проповѣди, которые примѣнялись, напримѣръ, католическими миссіонерами, никогда не упускавшими выгодъ земныхъ и не брезгавшими тѣмъ, чтобы служить политическими агентами въ угоду разнымъ европейскимъ государствамъ, но широта воззрѣній заставляла архіепископа понимать, что и дѣло христіанской миссіи представлять собою не болѣе, какъ одну изъ формъ движенія западно-европейской культуры, и въ этомъ смыслѣ онъ считалъ и свою миссію работою на пользу сближенія между Японіей и Россіей. Въ статьѣ «Японія и Россія», опубликованной въ журналѣ «Древняя и Новая Россія» въ октябрѣ 1875 года, достойной быть написанною золотыми буквами, онъ высказалъ ясно свой взглядъ на японо-русскія отношенія. Для него, какъ миссіонера, центромъ связи между ними должно быть православіе. Вотъ его подлинныя слова:

«Жизнь человѣческая, — по преимуществу, жизнь духа, и только въ области духовной могутъ быть связаны и отдѣльные люди, и цѣлые народы истинно-прочною связью. Въ этомъ отношеніи духовная миссія, преслѣдующая и обязанная преслѣдовать только духовныя, но никакъ не мірскія цѣли, имѣетъ тѣмъ не менѣе и важное политическое значеніе.

Счастлива будетъ Японія, если она, помимо католичества и протестантства, прямо приметъ истинное христіанство. Избѣжитъ она и папскаго гнета, и вмѣшательства въ государственныя дѣла ея, избѣжитъ и протестантскаго дробленія, и вновь религиознаго разложенія на подобіе того, какое она переживаетъ нынѣ. Только истинное, не испорченное людьми, Христово ученіе, не-

мѣръ того, какъ оно проникаетъ въ умы, сердца и жизни людей, даетъ прочную, непоколебимую основу и государственной стойкости, и благосостоянію.

«Желательно и для Россіи, чтобы сдѣлка ея сдѣлалась единовѣрною ей. Это несомнѣнно закрѣпитъ самую прочную связь между двумя народами и дастъ возможность многимъ и многимъ вѣка идти рука объ руку во взаимной дружбѣ, всегда взаимно помогая и охраняя другъ друга» (стр. 229—230).

На пути къ достиженію этой цѣли архіепископъ Николай не хотѣлъ знать никакихъ препятствій и вѣрилъ въ то, что рано или поздно, но Японія и Россія узнаютъ и поймутъ другъ друга. Еще въ 1869 г. по тому же поводу онъ писалъ:

«Вотъ и еще страна (т. е. Японія), уже послѣдняя въ ряду новооткрытій: хотъ бы здѣсь мы могли стать на ряду съ другими, не для соперничества и брани;—это не свойственно православію, но для того, чтобы предложить людямъ прямую истину, вмѣсто искаженной,—и ужели станемъ позади, сложа руки, или ограничимъ ничтожными дѣйствіями? «Въ Россіи», говорятъ, «денегъ нѣтъ!» А въ Іудеѣ развѣ больше было денегъ, когда она высылала проповѣдниковъ во все концы міра? А въ Греціи развѣ больше нашего было средствъ, когда она просвѣщала Россію? «Людей тоже нѣтъ!» У какихъ-нибудь моравскихъ братій, которыхъ и самихъ-то не больше пяти-шести тысячъ, есть люди, чтобы идти на проповѣдь къ лапландцамъ а у семидесятимилліонной Россіи людей нѣтъ! Боже, да когда же у насъ люди будутъ? И развѣ люди могутъ сами твориться, если ихъ не вызовутъ къ бытію? Отчего же ихъ не вызываютъ? Гдѣ творческія силы? Или онѣ изсякли?... Нѣтъ, нѣтъ, тамъ вдали виднѣется живое, полное непочатыхъ силъ движеніе. По мановенію Царя, освобождаются милліоны, вливается духъ новой исторической жизни въ великій организмъ. Загорается зари новой дѣятельности и для

сердца этого организма—духовенства;—та дѣятельность будетъ не отечественная только, она будетъ общемировая. Буду, дасть Богъ, не заброшенъ и я здѣсь одинъ, обреченный на бесплодный одиночный трудъ. Съ этою надеждою я ѣхалъ сюда, ею семь лѣтъ живу здѣсь; объ осуществленіи ея самая усердная моя молитва!» (Христ. Чтен. 1869, I, стр. 256—257).

По роду своей дѣятельности архіепископъ Николай могъ очень мало сдѣлать для изученія Россіею Японіи. Мы все теперь знаемъ, что Россія, пока не грянулъ громъ, не желала знать Японіи, не хотѣла ее изучать и не придавала ей никакого значенія. Открывавшія Россіи глаза на Японію «Записки флота капитана Головинна», бывшаго полтора года въ плѣну у японцевъ, оставались никому неизвѣстными. Поданное покойнымъ академикомъ В. П. Васильевымъ еще въ 70-хъ годахъ представленіе въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, о необходимости открытія на факультетѣ восточныхъ языковъ кафедръ японскаго языка, лежало безъ движенія. Географическое общество не командировало въ Японію ни одной экспедиціи. Драгоманскихъ штатовъ при японской дипломатической миссіи почти не существовало. Въ Военномъ Министерствѣ не было ни одного спеціалиста по японскому языку. Что могъ при этихъ условіяхъ сдѣлать архіепископъ Николай? И все-таки онъ дѣлалъ все, что было въ его силахъ.

Необходимость изученія Японіи для Россіи была вѣчнымъ сознаніемъ архіепископа Николая, и онъ не упускалъ положительного ни одного случая для того, чтобы свидѣтельствовать объ этой необходимости, настаивать на ней, просить, совѣтовать о ней и выяснять ея важность. Что же именно сдѣлано архіепископомъ въ этой области?

Прежде всего, дѣло православной миссіи поставлено архіепископомъ такъ, что безъ знанія японскаго языка и японской пись-

менности служить въ ней невозможно. Поэтому все сотрудники архіепископа Николая, безъ исключенія, по приѣздѣ въ Японію сажались за изученіе языка и достигали въ немъ большей или меньшей степени совершенства. Яковъ Тихай, на-примѣръ, служилъ драгоманомъ дипломатической миссіи. Если же мы обратимся къ русской журнальной литературѣ объ Японіи, то увидимъ, что цѣлый рядъ статей объ этой странѣ написанъ именно учениками и сотрудниками архіепископа Николая. Такъ, на-примѣръ, И. Сэнума помѣщалъ и помѣщаетъ свои корреспонденціи въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»; Д. Кониси печаталъ статьи и переводы съ японскаго въ «Вопросахъ философіи и психологіи»; И. Сэнумою составлено «Практическое руководство къ самостоятельному изученію японскаго языка» для русскихъ.

Когда же послѣ японо-русской войны на изученіе Японіи въ Россіи стали обращать нѣкоторое вниманіе, то можно безъ преувеличенія сказать, что все приѣзжающее въ Токио и вообще въ Японію русскіе пользовались постояннымъ содѣйствіемъ покойнаго архіепископа и его учениковъ. Это фактъ всемъ намъ хорошо извѣстный. Выборъ моихъ личныхъ работъ для установленія системы практическаго изученія японскаго языка всегда дѣлался по совѣту съ архіепископомъ. Проведенная мною въ работахъ русская транскрипція совпадаетъ съ принимавшеюся покойнымъ владыкою, и отступленія отъ послѣдней, требовавшіяся при систематическомъ проведеніи транскрипціи въ лексическихъ работахъ опять-таки дѣлались мною болѣею частью по совѣщанію съ преосвященнымъ. Оставленный Восточнымъ институтомъ для приготовленія къ профессорскому званію В. М. Мендринъ издаетъ нынѣ переводъ японской исторіи «Нихонъ - гаиси». Выборъ этой исторіи также находится въ зависимости отъ вліянія архіепископа Николая, который придавалъ данному труду японскаго ученаго Раи Санъ-ёо огромное зна-

ченіе для изученія исторіи сѣогуната, самъ въ свое время изучалъ ее и очеркъ изъ нея вмѣстѣ съ тремя другими японскими исторіями: Даи Нихонси, Кокусиряку и Иси напечаталъ въ свое время въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Издавшій недавно «Нравоучительную Хрестоматію» для начальныхъ школъ Японіи, протоіерей Посольской церкви въ Токио, о. Петръ Булгаковъ свои жалобы на трудность изученія японскаго языка заканчиваетъ словами: «и не приди со словомъ ободренія и совѣта въ эти прямое-критическія минуты моей работы высокопреосвященный Николай, возможно, что я не удержался бы въ своемъ намѣреніи учить японскій языкъ, учить настолько, насколько позволяли силы и время». Въ этомъ же трудѣ мы находимъ и письмо архіепископа, высказавшаго свой взглядъ на изданіе и его значеніе для Россіи. Нечего и говорить, что работа ректора семинаріи Сэнумы по составленію пособия для изученія японскаго языка была постоянно одухотворяема совѣтами архіепископа Николая. Я привожу въ данномъ случаѣ только тѣ примѣры, которые знаю лично и видѣлъ въ теченіе пятилѣтняго пребыванія въ Токио, но несомнѣнно, что русскіе унесли съ собою еще больше совѣтовъ архіепископа объ изученіи японскаго языка и Японіи, оставшихся мнѣ неизвѣстными и полученныхъ ими во время бесѣдъ съ покойнымъ.

Наконецъ, мы не можемъ не остановиться на организаціи архіепископомъ цѣлой школы для изученія японскаго языка русскими мальчиками, командированными для этой цѣли изъ Восточной Сибири. Началось это дѣло такъ: за годъ или за два до начала русско-японской войны адмиралъ Алексѣевъ командировалъ въ Токио двухъ мальчиковъ Фёдора Легасова и Андрея Романовскаго къ преосвященному Николаю для обученія ихъ японскому языку и грамотѣ въ духовной семинаріи. Владыка съ удовольствіемъ принялъ этихъ мальчиковъ, за содержаніе которыхъ мис-

си уплачивались самые ничтожные суммы. Началась однако война, и об этих мальчиках в России совсем забыли. Высылка денег на их содержание прекратилась, и епископ имел бы полное право отправить их на родину вместе с утешавшими перед войною русскими. Он, однако, так не сдѣлал. Наоборот, он убѣдилъ мальчиковъ остаться въ Японіи, объяснивъ имъ всю важность изученія японскаго языка. И прошло цѣлыхъ три года, прежде чѣмъ наши восточно-сибирскія власти вспомнили о забытыхъ дѣтихъ. Ихъ содержала, кормила и обучала все это время православная японская миссія и обучила настолько, что по первому же требованію они были въ состояніи выѣхать и занять мѣста переводчиковъ: одинъ—въ Харбинѣ, другой—въ Хабаровскѣ.

Этотъ примѣръ побудилъ Харбинскихъ и Хабаровскихъ властей командировать въ духовную семинарію уже цѣлый комплектъ русскихъ мальчиковъ, которые и обучаются доселѣ тамъ японскому языку и письменности.

Судьба этихъ мальчиковъ всегда сильно озабочивала архіепископа. Онъ чувствовалъ, что въ миссіи слишкомъ много прямого дѣла для того, чтобы удѣлять силы дѣлу стороннему, но признавая, что такая система командировки дѣтей въ страну является наилучшею изъ всѣхъ для подготовки русскихъ толмачей, онъ мирился съ неудобствами и продолжалъ работать. Его глубоко возмущали статьи дальневосточной прессы, настаивавшія на бесполезности командировокъ такихъ мальчиковъ въ Токио, только потому, что нѣкоторые изъ нихъ, оказавшись непригодными для изученія японскаго языка, были отправлены архіепископомъ обратно на родину. «Удивительно мало у насъ системы и выдержки, говаривалъ онъ по этому поводу. У русскихъ въ крови какой-то анархизмъ, непременно все ломать и разрушать до основанія. Скажемъ, построенъ домъ. Если онъ

неудовлетворителенъ, то раньше чѣмъ его сломать, нужно хорошенько обдумать, во-первыхъ, гдѣ жить во время постройки, во-вторыхъ, чѣмъ его замѣнить; у русскихъ же не такъ: прежде всего сломать, отмѣнить, уничтожить, разрушить, а потомъ уже будемъ думать, что дѣлать дальше. Вотъ теперь съ этой школой: только что налаживается дѣло, только что ребята начинаютъ переходить на настоящую работу, учатся вмѣстѣ съ японцами, ходятъ въ японскіе классы, начинаютъ привыкать къ японской скорописи, только что дѣло налаживается, сейчасъ ужъ и закрывать. И опять останемся, какъ старуха въ сказкѣ: будемъ сидѣть предъ своей избушкой съ разбитымъ корытомъ».

Архіепископъ сильно желалъ развитія дѣла толмаческой школы въ Токио, но онъ признавалъ для этого необходимымъ дать ей нѣсколько другую постановку, а именно, выдѣлить ее въ особое учрежденіе, усилить въ ней преподаваніе русскаго языка и русскихъ предметовъ и ввести для учащихся особую систему командировокъ, по которой дѣти, по усвоеніи японскаго языка и письменности настолько, чтобы учиться вмѣстѣ съ японцами, отсылались бы, каждый въ отдѣльности, изъ Токио въ японскія школы въ провинцію на годъ или на два, гдѣ они усовершенствовались бы въ языкѣ, не видя ни одного русскаго и не слыша за это время ни одного русскаго звука. Для этого, конечно, онъ считалъ необходимымъ особое соглашеніе съ японскимъ правительствомъ.

Покойный владыка смотрѣлъ на дѣло сближенія Японіи и Россіи съ чисто-государственной и культурной точекъ зрѣнія и смотрѣлъ чрезвычайно широко. Онъ видѣлъ въ этихъ двухъ державахъ добрыхъ сосѣдей и считалъ, что отношенія между ними должны быть именно добрососѣдскія, для установленія которыхъ необходимо, чтобы и Россія знала Японію въ совершенствѣ и Японія знала Россію въ такой же мѣрѣ.

«Но что мнѣ дѣлать, говаривалъ онъ, если всѣ преимущества для этого изученія лежатъ на сторонѣ Японіи. Японецъ страшно усидчивъ и работоспособенъ. Онъ при томъ горячъ. Онъ берется за каждое дѣло безотлагательно и ведетъ его настойчиво и неуклонно. И правительство, и общество, и отдѣльные лица въ Японіи въ большинства случаевъ таковы. Разъ что бы то ни было признано необходимымъ — конечно: находятся немедленно и средства, и деньги, и пути, и люди, и дѣло кипитъ. Существуетъ и еще нѣсколько условий, благоприятствующихъ изученію Россіи японцами. Во-первыхъ, японцы бѣдны, и они ѣдутъ поэтому повсюду, гдѣ только можно обезпечить для себя благосостояніе. Русскія владѣнія для нихъ въ этомъ отношеніи чрезвычайно удобны, а потому и много японцевъ знаютъ по-русски. Во-вторыхъ, за время изученія іероглифовъ японцы до такой степени тренируютъ свою память, что имъ изученіе всякой другой письменности представляется дѣломъ почти шуточнымъ, а сидѣть часами за книгою они привыкаютъ также съ самаго ранняго дѣтства, такъ какъ изученіе грамоты и усидчивость для нихъ представляются понятіями совершенно неотдѣлимыми: выучить іероглифы безъ усидчивости невозможно. Въ третьихъ, у японца существуетъ какая-то прирожденная или, можетъ быть, выработанная тысячелѣтней культурой жажда знанія. Онъ хочетъ все знать, все перечитать. На книги никто почти изъ нихъ не скупится тратить деньги, и только этимъ можно объяснить и огромный тиражъ японскихъ газетъ и то большое число изданій, которое выдерживаютъ ихъ книги. Словомъ, японцы, если и не всегда талантливые, то въ большинствѣ случаевъ трудолюбивые и исполнительные ученики, и въ этомъ—большой залогъ ихъ успѣха».

Къ области работъ, предпринятыхъ архіепископомъ Николаемъ въ цѣляхъ просвѣщенія Японіи относительно православія, нужно причислить прежде всего его труды по переводамъ Священнаго Писанія, бого-

служебныхъ книгъ и богословской литературы. Переводы послѣдней дѣлались исключительно съ русскаго языка, и отсюда мы естественно можемъ понять, что одна часть русской умственной сокровищницы стала уже достояніемъ японцевъ. Если же мы примемъ во вниманіе, что первыя времена русской культурной исторіи главнымъ образомъ являются исторіей дѣятельности духовенства и что наша первая литература почти совпадаетъ съ литературою гомилетической, то окажется, что путемъ переводовъ нашихъ церковно-историческихъ и проповѣдническихъ трудовъ японцы знакомы и съ древней исторіей Россіи.

Переводами книгъ религіознаго отдѣла далеко, однако, не исчерпывается еще просвѣтительная дѣятельность архіепископа на почвѣ сближенія Россіи и Японіи. Архіепископъ старался вкладывать въ души своихъ питомцевъ любовь къ Россіи и необходимость культурнаго ея изученія, онъ распространялъ между юношами знаніе русскаго языка, никогда не уставалъ при случаѣ говорить о необходимости для православныхъ японцевъ изученія Россіи, которая является для нихъ матерью по вѣрѣ, и радовался, когда ученики Суругадайской семинаріи начали печатать въ японскихъ журналахъ переводы изъ русскихъ классиковъ. «Пусть переводятъ и читаютъ, говорилъ онъ. Узнавъ русскую литературу, узнавъ Пушкина, Гоголя, Лермонтова, графовъ Толстыхъ, Достоевскаго, нельзя не полюбить Россіи».

Эта сторона суругадайской работы очень мало извѣстна русскому обществу, но когда японскій историкъ русской литературы будетъ писать свой трудъ, или когда русскій историкъ всеобщей литературы будетъ изучать вопросъ о проникновеніи русской литературы въ Японію,—и тотъ и другой должны будутъ отмѣнить роль Суругадаи.

Перечислить всѣ произведенія и изданія японцевъ, получившихъ образованіе въ Суругадайской духовной семинаріи и работаю-

щих надъ переводами русскою беллетристики здѣсь нѣтъ возможности, такъ какъ это потребовало бы совершенно специальной библиографической работы. Я считаю нужнымъ однако указать хотя бы общій масштабъ, въ которомъ ведутся эти переводы.

1) Однимъ изъ самыхъ видныхъ переводчиковъ является Нобори Сѣму, опубликовавший недавно довольно пространную исторію русской литературы, являющуюся учебникомъ этого предмета въ духовной семинаріи, гдѣ Нобори состоитъ преподавателемъ. Раньше нежели приступить къ изданію этой работы, Нобори опубликовалъ цѣлую серію отдѣльныхъ переводческихъ работъ. Имъ переведены нѣкоторые произведенія: *Сумарокова*, *Державина*, *Хемницера*, *Дмитріева*, *Измайлова*, *Жуковского*, *Крылова*, *Гончаровскій* «Обломовъ», *Пушкина*: «Сказка о рыбацкѣ и рыбацкѣ»; «Арабъ Петра Великаго»; «Метель»; «Русалка»; «Ворись Годуновъ». *Гоголя*: «Тарасъ Бульба»; *Тургенева*: «Вѣжинъ лугъ», «Собака»; *графа Льва Толстого*: «О Гоголѣ». *Антон Чехова*: «Тифъ»; *Максима Горькаго*: «На днѣ»; *Короленка*: «Огонь». *Андреева*: «Бездна»; «Въ туманѣ»; «Разсказъ о семи повѣщенныхъ». *Кутрина*: «Мирное житіе». *Бориса Зайцева*: «Тихія зори». *Бальмонта*: «Крикъ въ ночи». *Арцыбашева*: «Жена».

2) Далѣе мы можемъ назвать писательницу Сэнума Каё, которая работаетъ надъ переводами съ русскаго вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, ректоромъ духовной семинаріи Иваномъ Сэнума. Сэнума Каё изданы на японскомъ языкѣ переводы: *Сеславина*: «Разсвѣтъ счастья»; *Достоевскаго*: «Бѣдные люди» и друг. Года три тому назадъ г-жа Сэнума Каё издала небольшой томъ разсказовъ Чехова, который былъ встрѣченъ японскою критикою чрезвычайно симпатично.

3) Д. Кониси перевелъ «Крейцерову Сонату» гр. Льва Толстого.

Мнѣ представляется здѣсь же уместнымъ снять съ памяти архіепископа Николая

разъ навсегда всѣ тѣ обвиненія, которыя сыпались на него со стороны русской прессы и общества во время и послѣ неудачной войны нашей съ Японіей. Всѣ мы читали тогда жалобы, упреки и вопросы, обращавшіеся по адресу покойнаго архіепископа: «Почему именно онъ не указалъ Россіи на способность Японіи къ такой воспримчивости къ европейской культурѣ, почему именно онъ не выяснилъ, что такое Японія по существу, почему онъ не заявлялъ открыто и гласно, что она высококультурное государство? и пр. и пр.».

Я хочу теперь документально показать, что не архіепископъ не выяснялъ, а мы его не слушали; не онъ не печаталъ, а мы не читали; не онъ не говорилъ, а мы не внимали.

Еще въ 1869 году въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ ноябрьской книжкѣ въ предисловіи къ статьѣ «Сѣгуны и микадо» на страницѣ 207-й, послѣ приведенныхъ уже мною ранѣе словъ о хихикающемъ японцѣ, іеромонахъ Николай, писалъ. «Но это ли японецъ какъ онъ есть? Кто пообщается этой фигурѣ въ близкомъ будущемъ мѣсто въ кругу цивилизованныхъ народовъ, кому не покажутся загадочными даже эти воочию совершившіеся факты, что японцы всего 15 лѣтъ тому назадъ казавшіеся такими же непробудно-сонными и неподвижными, какъ китайцы, въ настоящее время имѣютъ уже военный флотъ паровыхъ судовъ, на которомъ ни чело-вѣка европейцевъ, имѣютъ специалистовъ ученыхъ, получившихъ дипломы въ европейскихъ школахъ, механическія заведенія, могущія собственными средствами соорудить пароходъ, наконецъ либеральную конституцію съ выборнымъ началомъ въ основаніи. А между тѣмъ эти факты какъ нельзя болѣе естественны и странно было бы, если ихъ не было. Но чтобы судить такъ, нужно изучить не костюмы и внѣшніе приемы японца, а его духъ въ историческомъ развитіи, изучить его литературу».

Шесть лѣтъ спустя въ 1875 году въ

журналѣ «Древняя и Новая Россія», въ октябрьской книжкѣ, въ статьѣ «Японія и Россія» архимандритъ Николай, давая характеристику Японіи и японцевъ (на стр. 224—225) высказался еще болѣе опредѣленно. Вотъ его подлинныя слова:

«Итакъ, будетъ ли странно, если мы скажемъ, что японскій народъ—весьма развитой народъ, въ массѣ не уступающій по развитію самымъ образованнымъ народамъ земного шара? Конечно, читающій европеецъ всегда можетъ найти для чтенія такую умную книгу, какихъ до послѣдняго времени не было въ Японіи; но за то читающій и не столь умный книги японцевъ несомнѣнно стоитъ гораздо выше и по уровню образованія и развитія, чѣмъ не читающій европеецъ,—японецъ же почти всякій читаетъ. Вообще, Японія въ этомъ отношеніи похожа на Америку, гдѣ если наука не достигаетъ такой глубины и высоты, какъ въ наиболѣе образованныхъ государствахъ Европы, за то распространена шире, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ».

«Свобода и самостоятельность японскаго народнаго духа, японская національная гордость, значительный уровень умственнаго развитія и вмѣстѣ свѣжесть и бодрость народа—служатъ двигателями современнаго прогресса Японіи, столь изумительнаго для всѣхъ, наблюдающихъ его. Цѣлые вѣка японцы, убаюкиваемые своими національными ученіями, дремали въ сладкомъ сознаніи, что они—первая нація въ мірѣ, потомки небесныхъ боговъ, что другіе народы—варвары, стоящіе внѣ попеченій боговъ и проч. Велико было удивленіе ихъ и крайне неприятенъ уколъ для ихъ самолюбія, когда, съ открытіемъ страны для иностранцевъ и особенно съ того времени, какъ сами стали посѣщать иностранные земли, они увидѣли, что они совсѣмъ не единственная почтенная нація въ мірѣ, что есть много другихъ весьма почтенныхъ націй, и что тѣ, кого они считали варварами, напротивъ далеко ихъ превосходятъ

умственнымъ и политическимъ развитіемъ. Но не слѣпы были японцы, чтобы стать упорствовать въ отрицаніи этой столь очевидной истины,—не вялы, чтобы терять время въ безплодномъ уныніи. Они, такъ сказать, быстро перемѣстили центръ тяжести своей національной гордости, поставивъ отнынѣ для себя лестной задачей—возможно скорѣе догнать оперѣдившіе ихъ народы,—и вотъ—столько надѣлали въ продолженіе 20 лѣтъ, что въ исторіи другихъ народовъ едва ли найдутся достойныя параллели».

«Исторія японскаго народа не знаетъ поражений; національный духъ японцевъ не ослабленъ никакими внѣшними несчастьями, никакимъ униженіемъ передъ внѣшнимъ врагомъ. И потому, что удивительнаго, если они до послѣдняго времени смотрѣли на себя, какъ на самый великій народъ въ мірѣ, и съ пренебреженіемъ относились къ всѣмъ другимъ народамъ и царствамъ!»

«Однако, это далеко не было тѣмъ глубокимъ самодовольствомъ и несправимымъ самоуниженіемъ, которое для многихъ другихъ народовъ дѣлалось и дѣлается источникомъ великихъ народныхъ бѣдъ и униженій. Достаточно было въ 1867 году нѣсколькихъ удачныхъ выстрѣловъ съ англійскихъ кораблей, не по японскому національному флагу, а по прибрежнымъ батареямъ и судамъ двухъ удѣльныхъ князей, Нагато и Сацума, чтобы весь японскій народъ встрепенулся. Осмотрѣвшись, японцы увидѣли и тотчасъ сознали, что они въ военномъ дѣлѣ до того отстали отъ нѣкоторыхъ другихъ народовъ, что весьма легко могутъ быть побиты, могутъ потерять многое. Этою ясностью взгляда и трезвостью сознанія японскій народъ обязанъ тому, что онъ, при многихъ другихъ хорошихъ качествахъ, исторически приобрѣтенныхъ, обладаетъ еще качествомъ замѣчательнаго умственнаго развитія» (Іѳ. стр. 222—223).

Можемъ ли мы послѣ этого сказать, что

архиепископъ не выяснялъ сущности Японіи для Россіи и не совѣтовалъ обѣимъ державамъ мирно добрососѣдскихъ отношеній, предоставляя, само собою, дѣлать выводы русскимъ читателямъ, каковою будетъ Японія, при той характеристикѣ, которую давалъ онъ ей, если вмѣсто дружественной державы она окажется врагомъ.

Сближеніе Россіи съ Японіей, свидѣтелями котораго являемся мы въ послѣдніе годы, также не было для архіепископа новостью. Онъ былъ убѣжденъ, что рано или поздно дѣло къ этому придетъ, и открыто высказалъ свой взглядъ на это ровно за 30 лѣтъ до заключенія англо-японскаго союза. Вотъ что писалъ онъ по этому поводу:

«Все, что дѣлается въ Японіи, болѣе чѣмъ всякое другое государство, должно интересоваться Россію, какъ непосредственную сосѣдку ея на крайнемъ востокѣ. Оба государства — молодыя, полныя свѣжихъ силъ и надеждъ на долгую историческую жизнь. Притомъ же, оба — совершенно различныя по своему географическому положенію, вслѣдствіе чего въ будущемъ они могутъ только помогать другъ другу, но не встрѣчаться одно съ другимъ на перекрестныхъ дорогахъ и не мѣшать одно другому».

«Японія — морская держава, это — Англія будущаго. Многочисленность ея народонаселенія при тѣснотѣ территории и живая предпримчивость народа предвѣщаютъ въ весьма близкомъ будущемъ широкое развитіе ея мануфактуръ и ея внѣшней промышленности, при чемъ и въ торговыхъ интересахъ и, по всей вѣроятности, въ необходимости кое какихъ территоріальныхъ приобрѣтеній на моряхъ, какъ для нуждъ своихъ флотовъ, такъ и для колонизаціи, она не замедлитъ столкнуться съ Англією и другими государствами, сильными на моряхъ».

«Россія, напротивъ континентальная держава, не имѣющая ни морской торговли,

ни колоній. Въ будущемъ ей предстоитъ такой долгій и такой многоплодный трудъ надъ разработкою ея собственныхъ богатствъ и надъ развитіемъ внутренней промышленности, что на многіе вѣка не предвидится возможности для Россіи искать себѣ дѣла и вмѣстѣ насущнаго хлѣба, подобно Англіи, преимущественно въ заграничной торговлѣ и въ развитіи колоній. Избытки ея внутреннихъ богатствъ, конечно, станутъ литься за границу, равно какъ изъ-за границы не перестанетъ поступать то, въ чемъ она сама нуждается. Но это не будетъ главною задачею въ ея исторической жизни, это будетъ то, въ чемъ Японія же можетъ приносить ей существенную пользу, равно какъ и сама получать выгоду отъ того. Словомъ, положеніе обонхъ государствъ такое, что имъ, повидимому, въ будущемъ предстоитъ только пріязнь, дружба и взаимныя услуги».

(«Японія и Россія», стр. 228—229).

Этимъ убѣжденіямъ покойный архіепископъ оставался вѣрнымъ до гроба. Онъ признавалъ, что между Россіей и Японіей нѣтъ никакихъ существенныхъ поводовъ для разногласій, никакого столкновенія интересовъ, затрагивающаго жизненные потребности обѣихъ націй, и потому смотрѣлъ на минувшую войну какъ на простое недоразумѣніе, явившееся слѣдствіемъ взаимнаго непониманія. И потому и послѣ войны, какъ и до нея, онъ по прежнему твердилъ русскимъ о необходимости неуклоннаго изученія Японіи. Въ одномъ извѣстномъ мнѣ письмѣ къ генералъ-губернатору Унтербергеру онъ писалъ о необходимости изученія Японіи такъ:

«У всѣхъ большихъ европейскихъ народовъ давно уже напелись ученые, которые написали для своего отечества многіе томы объ Японіи и во всѣхъ отношеніяхъ познакомили свое отечество съ нею. Не говоря уже о научномъ интересѣ этихъ трудовъ, польза съ нихъ великая. Напримѣръ, не поставила бы Англія Японію о плечо съ собою, если бы глубоко не узнала,

что она достойна этого; не было бы и нашей несчастной войны съ Японією, если бы мы глубже знали Японію».

VI.

Японская Церковь во время русско-японской войны.

Я перейду теперь къ самымъ тяжелымъ годамъ жизни архіепископа Николая въ Японіи, вызвавшимъ на него со стороны какъ японскаго, такъ и русскаго общества всего болѣе нареканій и въ результатъ послужившимъ къ наивысшему его прославленію. Это — годы русско-японской войны. Раньше нежели говорить о доблестномъ поведеніи въ этотъ періодъ архіепископа, мы должны будемъ остановиться на нѣкоторое время на вопросѣ объ отношеніи въ эти годы къ японской православной Церкви японскаго общества.

Нужно было ожидать, что Церковь эта, соборъ которой господствуетъ надо всѣмъ Токію, привлечетъ на себя всѣ взгляды и въ разгаръ первыхъ страстей, возбужденныхъ войною, станетъ ближайшею мишенью самыхъ не сдержанныхъ и злыхъ атакъ. Такъ дѣйствительно и было: нѣкоторая часть японской прессы совершенно не знала удержу въ проявленіяхъ злобы противъ православія. Газета «Нихонъ», суммировавшая распространенныя въ обществѣ мнѣнія о православной Церкви, писала: «Православная Церковь является злостнымъ мѣстомъ, откуда сыпятся проклятія на голову Японіи, и гдѣ молятся за ея пораженіе. Она всегда была центральнымъ агенствомъ шпионовъ, состоящихъ на русской службѣ. Японцамъ ненавистенъ куполъ русскаго собора, который, возвышаясь надо всѣмъ городомъ, какъ бы шлетъ презрѣніе самому императорскому дворцу, ненавистенъ храмовой колоколъ, который каждое воскресное утро своимъ гвалтомъ докучаетъ мирному сну жителей».

«Православная Церковь въ Японіи, писала эта газета, не порвала всей связи съ

Россіей и получала отъ послѣдней матеріальныя средства, на которыя существовала. Она была поэтому, взятая въ цѣломъ, только вѣтвью русской Церкви. Черезъ Святѣйшій Синодъ, въ которомъ председательствуетъ мірянинъ, какъ представитель русскаго Императора, японская православная Церковь находилась всецѣло въ рукахъ русскаго правительства. Ея епископы и священники, какъ и ихъ русскіе собратья, были только агентами, оплачиваемыми какъ чиновники и повиновавшіеся получаемымъ инструкціямъ».

Та же самая газета въ другой статьѣ, обращенной къ православнымъ японцамъ, совѣтовала имъ оставить то гибельное положеніе, въ которое они себя поставили черезъ свою связь съ Церковью православною, «фактическою главою которой является русскій Императоръ. Перемѣнивъ вѣроисповѣданіе, они могли бы, по мнѣнію газеты, также хорошо исповѣдывать христіанство и въ то же время избѣжать тѣхъ опасностей, которыя сулятъ имъ связь съ Церковью русскою».

Если одна часть японской прессы занималась во время войны главнымъ образомъ вопросомъ о политическихъ отношеніяхъ между православною Церковью и русскимъ правительствомъ, то другая повела свои нападки еще далѣе, противъ всей православной Церкви въ самомъ ея существѣ. Ея обряды, связанные съ почитаніемъ иконъ, трактовались печатью какъ суевѣрія, пустой формализмъ и пр. и пр. Газета «Ямато», напримѣръ, съ ожесточеніемъ нападала на самыя христіанскія таинства и, между другими пунктами, въ вопросахъ, предлагаемыхъ новообращаемымъ христіанамъ во время совершенія крещенія, находила преступленіе, прямо предусмотрѣнное въ японскомъ уголовномъ законодательствѣ. Въ вопросѣ, предлагаемомъ обращаемому въ православіе японцу: «стрицаешься ли отъ суевѣрія буддизма и синтоизма?» и гдѣ дальше излагаются подробности различныхъ суевѣрій, въ концѣ чина обращеній въ

православие спрашивается: «стрицаешься ли отъ всѣхъ боговъ и буддъ этой религіи, отъ ихъ ложнаго и извращеннаго ученія во всей полнотѣ и частностяхъ: проклинаешь ли ихъ и плюешь ли на нихъ?» (Kore wo nogoi oyobi kore ni tsubaki sugu ka). Редакторъ при этой фразѣ теряетъ всякое самообладаніе: «Можно ли, говорить онъ, допустить въ богослужебномъ обрядѣ что-либо болѣе дикое и отвратительное?» Далѣе онъ приводитъ статью 263 уголовного законодательства, которая формулируется такъ: «виновные въ публичномъ неуваженіи къ синтоистскимъ и буддѣйскимъ храмамъ, могиламъ и мѣстамъ, посвященнымъ культу, подлежатъ штрафу отъ 2-хъ до 20 іэнъ». Послѣ этого онъ прибавляетъ: «фраза, которую мы только что привели, употребляемая въ открытомъ богослужебномъ обрядѣ, не представляетъ ли собою тяжелаго оскорбленія по отношенію къ нашимъ національнымъ религіямъ? Не является ли она, по крайней мѣрѣ, подстрекательствомъ къ ненависти и къ дѣйствіямъ противъ этихъ религій?» По этому поводу редакторъ припоминаетъ, что назавтра тому нѣсколько лѣтъ одинъ житель Мияги-кэнъ, получивъ крещеніе въ русской Церкви, не нашелъ ничего болѣе безотлагательнаго, какъ буквально выполнить вмѣстѣ съ 10 другими христіанами названное предписаніе греческаго ритуала. Они отпраздновали въ мѣстный буддѣйскій храмъ, вытаскивая изъ него статую Фудоо, покрыли ее плевками, подвергли всевозможнымъ издѣвательствамъ и, наконецъ, раздробили въ куски. «Эти проявленія дикости, заключаетъ авторъ, не представляютъ ли собою естественный результатъ нетерпимости религіи, которая учитъ презрѣнію и оскорбительному отношенію къ божествамъ страны?»

Изъ этихъ нападокъ на православную Церковь, помимо отдѣльных замѣтокъ въ ежедневныхъ газетахъ, которые характеризуются только бранью и повтореніемъ однихъ и тѣхъ же легкомысленныхъ и не-

обоснованныхъ популярныхъ обвиненій выдѣляется какъ по объему, такъ и по имени автора статья современнаго японскаго философа г. Иноуэ Тэцузироо, напечатанная въ журналѣ «Shin Bukkyo» (Новый буддизмъ). Авторъ этой статьи имѣетъ степень доктора японской литературы. Онъ родился въ префектурѣ Фукуока въ 1855 г., съ 1884 по 1890 годъ изучалъ философію въ Германіи и Франціи и съ 1890 г. состоитъ деканомъ литературнаго факультета Токиоскаго университета и профессоромъ философіи и исторіи философіи въ послѣднемъ. Среди его многочисленныхъ трудовъ выдающимися являются: «Жизнь Будды», «Восточная философія» и др. Профессоръ Иноуэ съ высоты пьедестала, на который воздвигли его знанія и масса статей, написанныхъ имъ за послѣднія 15 лѣтъ, пророчествуетъ въ «Shin Bukkyo» о будущности религіозныхъ идеаловъ человѣчества. Онъ не признаетъ существованія личнаго Бога, а только безличное реальное бытіе, въ духѣ пантеизма. Когда говорятъ о реальномъ бытіи, какъ основномъ началѣ, служащемъ къ объясненію вселенной, то, по мнѣнію г. Иноуэ, едва ли даже нужно и говорить о томъ, что это бытіе должно быть безлично. Понятіе личности, по взгляду японскаго ученаго, влечетъ за собою ограниченіе, тогда какъ основное начало абсолютно. Качества личности прилагаются только къ бытію конечному, основное же бытіе безконечно. Поэтому представляется ошибкою низводить абсолютное и безконечное бытіе на уровень существа конечнаго и ограниченнаго. Съ этой точки зрѣнія Иноуэ опровергалъ уже раньше философію Лотце, признающаго безконечное существо личнымъ, и заявилъ, что мнѣніе Лотце имѣетъ большую аналогію съ буддѣйскою доктриною Амиды. По этому ученію, человѣкъ возвышается, мало-по-малу очищаясь отъ всякой дурной мысли, и можетъ такимъ образомъ приблизиться къ основному началу.

Религія будущаго, по мнѣнію японскаго профессора, осуществится въ полномъ сля-

віи религіи и нравственности, при чемъ подъ послѣднею Иноуэ разумѣетъ не ту условную мораль, которая ограничивается чисто ваѣшними правилами, обрядами или какимъ-либо этикетомъ, но нравственность, обезпечивающую сердечный миръ и дающую прочныя основы для жизни. Представляется заблужденіемъ, по взгляду Иноуэ, вопросъ о религіи будущаго связывать съ вопросомъ о какой-либо изъ нынѣ существующихъ религій, напримѣръ, съ буддизмомъ или христіанствомъ. Ошибочно также думать, что нужно непременно принадлежать къ той или иной религіи, такъ какъ раньше чѣмъ существовали эти послѣднія, была уже религія естественная. Правда, она была полна суевѣрій, но это не мѣшаетъ дѣлу. Идеаломъ профессора Иноуэ является очищеніе этой первобытной религіи отъ всѣхъ суевѣрій, и тогда только будетъ получена истинная религія, сливающаяся съ нравственностью, словомъ, религія идеальная.

При свѣтѣ этихъ руководящихъ идей профессоръ Иноуэ въ названномъ журналѣ «Shin Bukkyo» обрушился со всею силою на православіе. Онъ говоритъ, что русско-японская война повлечетъ за собою полнѣйшую революцію въ религіозныхъ идеяхъ европейскаго міра. «Хотя настоящая война, пишетъ онъ, по единодушному взгляду всей японской націи, не имѣетъ ничего общаго съ войною религіозною, но съ русской точки зрѣнія дѣло представляется совершенно иначе. Всѣ тѣ богослуженія и религіозныя торжества, которыя имѣли мѣсто въ Россіи въ связи съ отправленіемъ войскъ и генераловъ, всѣ тѣ молитвы, которыми безостановочно просятъ о побѣдѣ, мнѣніе, что «Святая Русь» сражается на Дальнемъ Востокѣ съ народомъ буддѣйскимъ, «врагомъ христіанскаго имени»—все это даетъ настоящей войнѣ, разсматриваемой съ точки зрѣнія нашего противника, характеръ войны религіозной и святой. Но если посмотрѣть на результаты всѣхъ этихъ молитвъ, богослуженій и религіозной помпы,

то легко придти къ заключенію, что они оканчиваются лишь безпрерывною серіею поражений и постояннымъ триумфомъ «врага христіанскаго имени». Это первое заключеніе. Второй выводъ, равно очевидный, сводится къ тому, что Россія, не смотря на всѣ претензіи монополизировать въ свою пользу титулъ религіозной націи, на практикѣ представляется какъ только возможно далекою отъ идеала религіознаго народа. «Не упоминая уже о Кишиневской рѣзнь и о потопленіи въ 1900 г. многихъ тысячъ китайцевъ въ Благовѣщенскѣ, самые отчеты о настоящей кампаніи не доказываютъ ли намъ почти ежедневно вѣроломство, безнравственность и жестокость русской арміи? Злоупотребленіе флагами Краснаго Креста, изуродованіе труповъ, грабежи и насилуванія женщинъ и проч., всѣ эти факты обычны въ жизни русскихъ отрядовъ. Представляется поэтому довольно страннымъ, что нація, ведущая себя подобнымъ образомъ, претендуетъ на название христіанскаго народа и на то, чтобы небо покровительствовало успѣху ея оружія».

«Ясно, пишетъ Иноуэ, что надъ всѣми религіями и надъ всѣмъ разнообразіемъ вѣрованій царитъ одно верховное правило, соотвѣтственно съ которымъ и оцѣниваются въ концѣ концовъ челоуѣческія дѣйствія и предъ которымъ блѣднѣютъ всѣ религіозныя названія. Это правило составляетъ мораль, составляетъ челоуѣчность, гуманность. Взглядъ, что правда находится на сторонѣ тѣхъ, кто только носитъ имя христіанъ, представляетъ собою одну изъ тѣхъ грубыхъ иллюзій, которымъ настоящая война нанесетъ смертельный ударъ».

«Религія не является только пустымъ названіемъ, но требуетъ для себя постоянныхъ упражненій. Она состоитъ въ строгомъ выполненіи требованій религіозной совѣсти. По поводу японскихъ побѣдъ нѣкоторые выражались, что японцы одерживаютъ ихъ потому, что они—христіане на дѣлѣ, тогда какъ русскіе таковыми не являются. Заинтересованность цѣли писа-

телей этого класса слишком очевидна. Нѣтъ, пишетъ Иноуэ, нашъ триумфъ нисколько не исходитъ изъ духа христіанства. Большинство нашихъ солдатъ—буддисты, и христіанство въ арміи считается своими представителями полное меньшинство. Духъ, создавшій насъ такими, какими мы теперь являемся, имѣетъ своими источниками буддизмъ, конфуціанство, преданія рыцарства или самурайства (бусидоо) и прогрессъ нашего образованія. Этотъ духъ, ясно доказанный настоящею войною, нисколько и ни въ чемъ не уступаетъ духу христіанства. Проникая собою практическую дѣятельность, онъ воплощаетъ въ себѣ то, что я считаю истинной религіей. Тогда какъ Россія, которая придаетъ такъ много значенія пустому названію религіи, совершенно не имѣетъ понятія объ ея сущности, этою сущностью владѣемъ мы, хотя и не носимъ никакого формальнаго религіознаго названія. Если двѣ націи, столь христіанскія, какъ Англія и Америка, выражаютъ намъ свои симпатіи въ настоящей войнѣ, то это уже знакъ, что старый предрасудокъ, придававшій такъ много значенія пустымъ религіознымъ названіямъ, исчезаетъ. Религія, довольствующаяся только однимъ названіемъ, не больше какъ трупъ религіи, истинная же религія заключается всецѣло въ жизненной практикѣ, и на этой именно почвѣ будутъ базироваться отнынѣ симпатіи и антипатіи народа къ народу».

«Въ мірѣ, продолжаетъ Иноуэ, въ настоящее время существуютъ различныя религіи: буддизмъ, браманизмъ, іудейство, христіанство, магометанство, конфуціанство и пр. Религіи эти расчлѣняются на множество сектъ, а эти послѣднія въ свою очередь распадаются на различныя вѣтви. Но такъ же точно, какъ секты и ихъ вѣтви представляютъ собою только подраздѣленія главныхъ религій, такъ и эти послѣднія по существу не что иное, какъ развѣтвленія единой религіи, религіи истины, которая ими управляетъ и ихъ въ себѣ заключаетъ. Въ различныхъ религіяхъ мы усматриваемъ

не больше какъ видоизмѣненія одной и той же единой истинной религіи, созданныя временемъ и условіями. Если вы хотите обращать вниманіе на названія, вы будете ихъ считать до безконечности; если же вы объединяете всѣ религіи и возвыситесь до ихъ основы, то непременно придете къ одной только истинной и живой религіи».

«Религію истины составляютъ гуманность и справедливость, и выше ея ничего нѣтъ. Всѣ отдѣльныя секты, каково бы ни было ихъ названіе, отвѣчаютъ только отдѣльнымъ чувствамъ и личнымъ вкусамъ. Если буддизмъ сравниваютъ съ «моци» (пирожокъ изъ риса), а христіанство съ «сака» (рисовая водка), то представляется совершенно естественнымъ, что тѣ, кто любятъ моци, будутъ ихъ ѣсть, а кто любитъ сака, будутъ его пить. Представляется совершенно естественнымъ и законнымъ, чтобы каждый слѣдовалъ своему личному вкусу. Но въ то же время никоимъ образомъ недопустимо заставлять людей противъ ихъ воли ѣсть то, что имъ совершенно не нравится. Говорить, на примѣръ, что если не вѣрить въ буддизмъ или не состоять христіаниномъ, то значить уже не быть и человекомъ,—грубая ошибка. Во всѣ времена и повсюду были люди большой мудрости и высокой добродѣтели, хотя они не состояли ни буддистами, ни христіанами. Но наоборотъ, невозможно утверждать, что можно быть достойнымъ имени человека, игнорируя гуманность и справедливость. Гуманность и справедливость не подчиняются личнымъ вкусамъ, и здѣсь мы касаемся уже универсальной морали, того конечнаго пункта, къ которому тяготеютъ всѣ религіи. Поэтому ошибочно говорить, что религіи выше нравственности, такъ какъ эта послѣдняя является вѣнцомъ и цѣлью всякой религіи, и вѣдь ея религія бесполезна. Поэтому служители религіи, не соблюдающіе законовъ нравственности, сдѣлали бы лучше, если бы вовсе не говорили о религіи. Говоря это, я разумѣю особенно главнѣйшія

буддійскія секты въ Японіи, внутренніе раздоры которыхъ уже съ давнихъ поръ служатъ источникомъ непрерывныхъ скандаловъ».

«Каждая страна можетъ создать для себя подъ влияніемъ своей религіи особенную цивилизацію. Путемъ гармоничнаго сліянія всѣхъ цивилизацій человѣчество получитъ когда-либо высшую и универсальную цивилизацію. Это будетъ однимъ изъ результатовъ настоящей русско-японской войны: возвысивъ престижъ желтой расы и Востока, она несомнѣнно приведетъ къ сліянію двухъ цивилизацій, восточной и западной, и къ царству въ мірѣ истинной религіи—универсальной морали».

Статья эта много обсуждалась въ японской прессѣ. Газета «Нихонъ» если и не подражала профессору Иноуэ въ его роли пророка, то во всякомъ случаѣ вторила ему въ его нападеніяхъ на православіе. По ея мнѣнію, «Россія, претендуя на христіанство, имѣетъ только внѣшнюю его сторону. Оживляющій Россію духъ, проявляющійся въ ея религіи и нравахъ одинаково, всегда остается все тѣмъ же монголизмомъ, который европейская цивилизація только покрывала сверху легкимъ своимъ слоємъ, не измѣнивъ его сущности. Обращеніе народа въ христіанство, проведенное по приказу одного князя Владиміра, не оказало никакого влияния на сердце націи. Почитавшіеся раньше языческіе идолы были замѣнены только христіанскими иконами. Съ крестомъ на шеѣ и четками въ рукахъ (?) русскій остается доселѣ тѣмъ же самымъ монголомъ, готовымъ на всякія варварскія дѣянія. Орды дикихъ казаковъ такъ же, какъ и населеніе изъ мужиковъ, составляющее армію Царя, хранятъ въ своихъ жилахъ кровь своихъ предковъ-монголовъ и въ своихъ проявленіяхъ дикости только слѣдуютъ импульсу наслѣдственности».

Газета «Маиници», во имя принциповъ протестантства, проводникомъ которыхъ она служить, видитъ въ религіозномъ строѣ Россіи причину ея запоздалости и отста-

лости въ прогрессѣ и различныхъ бѣдствій, испытываемыхъ русскимъ народомъ. «Религія, всецѣло связанная съ политикою, писала эта газета, сохранила свою деспотическую форму, которую дали ей ея прежнія сношенія съ Церковью римскою. Именно эта религіозно-политическая организація помѣшала Россіи воспользоваться, подобно всѣмъ другимъ европейскимъ народамъ, великими теченіями идей и свободы, созданными реформаціею съ одной стороны и французскою революціею съ другой. Благодаря именно этому, подъ эгидою настоящаго Царя, лично склоннаго къ добротѣ и снисходительности, въ Россіи имѣютъ мѣсто такія проявленія несправедливости и религіозной нетерпимости, какъ недавно бывшія въ Финляндіи. Представитель царя въ Святѣйшемъ Синодѣ убѣжденъ, какъ онъ заявилъ, что изъ всѣхъ націй Европы только одна Россія, благодаря ея сильной политико-религіозной организаціи, въ состояніи противостоять потоку тѣхъ вредныхъ идей, которыя угрожаютъ Западу разрушеніемъ. Благодаря этимъ чудовищнымъ предрасудкамъ, удерживается въ Россіи доселѣ религіозный деспотизмъ, а вмѣстѣ съ нимъ существуетъ и источникъ всѣхъ тѣхъ бѣдствій, которыя падаютъ теперь на русскій народъ».

Наряду со всѣми этими безконечными нападками, въ которыхъ переплетались системно выходки противъ русскаго народа, русскаго правительства, русской исторіи, православной Церкви вообще, православія въ Россіи и православія въ Японіи, чрезвычайно пріятно засвидѣтельствовать ту корректность, которую обнаружило въ дѣлѣ отношеній къ православію въ Японіи Токиоское правительство. Министерство внутреннихъ дѣлъ для прекращенія всѣхъ тѣхъ враждебныхъ проявленій къ православію японцамъ, которыя обнаруживались въ различныхъ пунктахъ страны, въ апрѣлѣ 1904 года разослало слѣдующій циркуляръ провинціальнымъ властямъ: «Съ начала военныхъ дѣйствій между

Россією и Японією христіане православной Церкви сдѣлались предметомъ постоянныхъ преслѣдованій. (Nichiro senso irai kakuchi ni oite seikyoha shinto no hakugai seraguru koto himpin ari). Министръ внутреннихъ дѣлъ не можетъ обойти молчаніемъ факты подобнаго рода и потому посылаетъ мѣстнымъ властямъ слѣдующій циркуляръ:

«Обнаруживающаяся ненависть къ православной Церкви въ настоящій моментъ враждебныхъ дѣйствій между Россією и Японіей, равно какъ и проявленія недоброжелательства противъ христіанъ этой Церкви и всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя имѣютъ сношенія съ этими христіанами, не согласуются съ надлежащимъ поведеніемъ цивилизованной націи (bummei no kokumin no kodo ni arazu). Даже во время войны позоръ подобныхъ поступковъ набрасываетъ тѣнь на честь страны. Поэтому всѣмъ должностнымъ лицамъ, поставленнымъ для охраны порядка, надлежитъ дать соответствующія инструкціи и увѣщанія населенію, находящемуся подъ ихъ управленіемъ, и быть особенно строгими и бдительными. Имъ надлежитъ употребить всю свою энергію въ примѣненіи къ охранѣ спокойствія христіанъ и ихъ друзей и дѣйствовать такъ, чтобы народъ въ своемъ поведеніи не разлучался съ достоинствомъ, приличествующимъ великой націи».

Съ другой стороны министръ внутреннихъ дѣлъ, послѣ свиданія съ г. Хонда йици, членомъ евангелической лиги (Fukuiin domeikwai), въ составъ которой входитъ большая часть христіанскихъ протестантскихъ сектъ, отправилъ президенту этой лиги слѣдующую декларацію, прося сообщить ее членамъ всѣхъ различныхъ религиозныхъ обществъ, съ которыми лига находится въ сношеніяхъ:

«Съ началомъ военныхъ дѣйствій министерство внутреннихъ дѣлъ съ особеннымъ вниманіемъ наблюдало за проявленіемъ чувствъ, которыя можетъ вызвать какъ въ нашей странѣ, такъ и за границею, различіе расъ и религій воюющихъ сто-

ронъ. Оно приняло мѣры, чтобы эти проявленія чувствъ не вызывали безпорядковъ и столкновеній и не создавали бы неправильнаго представленія о взглядахъ правительства и націи.

«Вслѣдствіе этого министерство внутреннихъ дѣлъ дало предписаніе префектуральнымъ властямъ о надлежащей охранѣ русскихъ подданныхъ, а министръ просвѣщенія послалъ по тому же вопросу спеціальныя инструкціи различнымъ образовательнымъ учрежденіямъ. Министръ, узнавъ затѣмъ, что въ различныхъ округахъ имперіи имѣли мѣсто проявленія недоброжелательства по отношенію къ христіанамъ православной Церкви, глубоко сожалѣлъ объ этомъ. *Признавая религію неотъемлемымъ элементомъ цивилизации*, онъ полагаетъ также, что залогомъ хорошей политики служить предупрежденіе всякихъ расовыхъ столкновеній. Исходя изъ этихъ именно принциповъ, наше правительство во время японо-китайской войны, когда наша армія дошла до Ляо-дуна, удвоило бдительность, чтобы церкви, построенныя французскими и англійскими миссіями, не потерпѣли ни малѣйшаго поврежденія. Известно, что бдительность эта увѣнчалась въ свое время полнымъ успѣхомъ. Въ настоящее время, когда война ведется со стороны христіанскою, правительство обращаетъ еще болѣе серьезное вниманіе на то, чтобы общественное мнѣніе, отбросивъ узкіе взгляды и дурныя чувства, приняло положеніе откровенно либеральное, и чтобы поведеніе японскаго народа на дѣлѣ было въ полномъ согласіи съ императорскимъ указомъ, который объявляетъ, что «эта война не имѣетъ другой цѣли, кромѣ обезпеченія спокойствія имперіи и мира на Дальнемъ Востока. Мы просимъ васъ сообщить это христіанскимъ обществамъ и миссіонерамъ, съ которыми вы находитесь въ сношеніяхъ».

Правительство, очевидно, опасалось проявленія недоброжелательства или преслѣдованій православныхъ со стороны послѣдо-

вателей туземныхъ религій, а потому еще раньше приведенныхъ инструкцій, 19 февраля 1904 года тѣмъ же министерствомъ внутреннихъ дѣлъ были разосланы аналогичный по содержанію слѣдующій циркуляръ начальникамъ всѣхъ буддійскихъ и синтоистскихъ сектъ въ имперіи:

«Война объявлена. Въ моментъ, когда всѣ граждане должны быть вѣроподданными и добрыми слугами отечества, тѣ, на комъ лежитъ высшее управленіе религіозными дѣлами, обязаны возбудить ревность въ сердцахъ служителей культа, находящагося въ ихъ юрисдикціи, къ поощренію гражданъ къ исполненію ихъ обязанностей и отыскивать соответствующія для сего мѣры.

«Хотя дипломатическія сношенія съ Россією и прерваны, но представляется яснымъ, что по отношенію къ отдѣльнымъ членамъ воюющей націи не должно быть никакого чувства ненависти и вражды, и особенно на почвѣ религіозной. Каково бы ни было различіе вѣрованій и сектъ, всѣ лица безъ исключенія должны трактоваться равноправно. Нѣтъ никакихъ основаній къ уклоненію отъ принциповъ терпимости, которые до сей поры проводились въ жизнь, и это особенно необходимо имѣть въ виду въ отношеніи къ религіозной пропагандѣ. Пусть всѣ служители культа обратятъ на это самое серьезное вниманіе. Тѣ же, въ рукахъ которыхъ находится завѣдываніе и управленіе дѣлами, обязаны дать подчиненнымъ соответствующія указанія, чтобы на этой почвѣ не могло происходить никакихъ прискорбныхъ инцидентовъ». Подписано: «министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Капура».

Въ тотъ же день слѣдующее распоряженіе министерства было дано и чиновникамъ культа синтоистскаго, завѣдующимъ охраною національныхъ японскихъ храмовъ:

«Состоящіе на службѣ при отправленіи религіозныхъ обязанностей славнымъ боже-ствамъ и завѣдующіе ихъ культомъ должны стараться объ исправленіи своихъ обязан-

ностей съ уваженіемъ и достоинствомъ, котораго эти обязанности требуютъ. Въ настоящій моментъ, когда война нашимъ великимъ государемъ объявлена, и когда его послы отправились въ храмъ Исэ и въ различные другіе храмы имперіи, чтобы прочитать предъ божествами манифестъ объ объявленіи войны, хранители храмовъ должны, согласуясь съ волею микадо, удвоить свою ревность въ отправленіи обязанностей, сократить излишніе расходы и въ чистотѣ совѣсти выполнять свои благородныя функціи».

Эти циркуляры министерства внутреннихъ дѣлъ очень много комментировались японскою прессою въ невыгодномъ для правительства и православія духѣ. Руссофобская «Нихонъ» писала, что инструкціи министерства далеко не служатъ къ чести бонзъ и синтоистскихъ служителей, какъ и не находятся въ соответствіи съ достоинствомъ страны. «Нужно ли напоминать о принципахъ терпимости по отношенію къ иностранцамъ?» спрашивала «Нихонъ». Если существуютъ люди, которымъ нѣтъ необходимости говорить о подобныхъ вопросахъ, то это именно служители синтоистской и буддійской религій. То, что не слѣдуетъ отступать отъ правилъ справедливости и добраго отношенія къ другимъ и что нужно остерегаться возбуждать недоразумѣнія во время войны такъ же, какъ и во время мира, это, кажется, такія азбучныя истины, что о нихъ едва ли нужно и говорить! Если служители двухъ культовъ, къ которымъ обращается инструкция, не въ состояніи понимать такихъ простыхъ истинъ, то они недостойны занимать вѣренныя имъ посты и ихъ нужно сейчасъ же уволить. Конечно, если существуетъ въ мірѣ народъ, полный религіозной терпимости и врагъ фанатизма, то это именно нашъ, по крайней мѣрѣ въ новѣйшую эпоху. Событія въ родѣ возмущенія Амакуса (возстаніе на почвѣ религіозной въ 1637—1638 гг., въ которомъ принимало участіе большое число христіанъ), относятся къ далекому

прошлому. Въ настоящее время (зависитъ ли это отъ индифферентизма къ вопросамъ религіи, мы не будемъ объ этомъ говорить) представляется совершенно удостовѣреннымъ фактомъ, что мы не пытаемъ никакихъ чувствъ антагонизма или вражды къ религиознымъ сектамъ, каковы бы онѣ ни были. Что русскій соборъ съ своимъ куполомъ доминируетъ надо всѣмъ Токио, что онъ заставляетъ всѣхъ слушать свой безмятежный гвалтъ надъ головами, мы къ этому совершенно равнодушны. Поляки и финляндцы могутъ смотрѣть съ чувствомъ извѣстнаго недоброжелательства на русскія церкви, строящіяся въ ихъ земляхъ и знаменующія собою отнятіе ихъ территорій. Относительно же себя, мы, смотря на Церковь Николая, отнюдь не получаемъ впечатлѣнія, будто мы тѣмъ связываемся съ службою Его Величеству Императору Всероссийскому. Въ Европѣ много войнъ, даже новѣйшихъ, и въ особенности войны русско-турецкія могли имѣть, среди вызвавшихъ ихъ причинъ, побужденія религиозныя. Что же касается до нашего народа, то настоящая война такъ же, какъ и война съ Китаемъ, не имѣетъ ничего общаго съ мотивами и цѣлями этого рода. Поэтому инструкция министра внутреннихъ дѣлъ представляется нѣсколько оскорбительною не для синтоистскихъ и буддійскихъ служителей только, но и для всего народа японскаго.

Другіе журналисты наоборотъ, находя циркуляры министра по религиознымъ вопросамъ колкими, такъ какъ въ нихъ «даются уроки нравственности и добраго поведенія служителямъ Будды и синтоизма», выражали взгляды, что подобное предупрежденіе излишне. Опасенія министерства, какъ бы нѣкоторые лица не воспользовались войною, какъ предлогомъ и удобнымъ случаемъ для удовлетворенія своихъ неприязненныхъ чувствъ противъ иностранныхъ религій, по ихъ мнѣнію, совсѣмъ не лишены основанія.

Послѣдній взглядъ, какъ кажется, болѣе подтверждаемъ ходомъ событій религиозной

жизни Японіи за время войны, чѣмъ мнѣніе «Нихона», и представляется очевиднымъ, что министерство было совершенно право въ опредѣленіи чувствъ значительной группы лицъ, но крайней мѣрѣ, въ буддійской церкви. Въ послѣдней несомнѣнно существовало опредѣленное стремленіе перенести происходившую войну на почву религиозную и доказать, что отъ исхода войны зависитъ и самая судьба буддизма въ Японіи. Въ этомъ отношеніи въ имперіи обнаружилась рѣзкая разница между дѣйствіями высшихъ властей буддизма, находившихся несомнѣнно подъ вліяніемъ взглядовъ правительства, и практикою народною.

Такъ, глава самой обширной секты буддизма, Ниси Хонганзи, разослалъ своимъ 30.000 храмамъ и семи милліонамъ подчиненнымъ ему вѣрующимъ энциклику, въ которой совершенно въ духѣ министерскаго циркуляра убѣждалъ ихъ проявлять энергію и самоотверженіе въ исполненіи своего долга, въ связи съ войною.

«Конечно, писалъ онъ, предпріятіе это превышаетъ личныя силы отдѣльнаго чловека и потому необходимо просить помощи Амида (буддійское божество, особенно почитаемое въ сектахъ Синсю и Монтосю) и при его поддержкѣ безъ колебаній и опасеній исполнять свой долгъ. Для вѣрующихъ, нашедшихъ въ вѣрѣ непоколебимую силу и ненарушимый миръ, смерть въ бою представляется столь же легкою, какъ перо птицы. Что же касается до тѣхъ, кто не занимаетъ мѣста въ рядахъ сражающихся, то они обязаны путемъ матеріальныхъ приношеній и содѣйствіемъ всякаго рода въ отношеніи солдатъ трудиться изъ всѣхъ силъ во славу нашего оружія и для возвеличенія отечества».

Глава секты Оотани-ха (Хигаси-Хонганзи) разослалъ своимъ вѣрующимъ аналогичное воззваніе.

Наряду съ этими существовали однако цѣлый рядъ фактовъ и противоположнаго характера, которыхъ именно правительство и опасалось. Такъ, напримѣръ, на буддій-

скомъ митингѣ въ одной изъ подъ-префектуръ главный начальникъ секты Ниси-Хонганзи, чтобы болѣе возбудить ревность вѣрующихъ къ борьбѣ со врагомъ, убѣждалъ ихъ смотрѣть на войну съ Россіей, какъ на чисто-религиозную, заключающую въ себѣ рѣшеніе вопроса о жизни и смерти для самого буддизма.

«Настоящая война, говорилъ онъ, имѣетъ важныя послѣдствія не только для страны, но и для буддизма. Если страна падетъ, буддизмъ падетъ вмѣстѣ съ нею. Исторія показываетъ намъ, что магометане, занявъ Индію, разрушили буддизмъ. По развалинамъ храмовъ съ трудомъ можно признать слѣды античнаго буддизма въ странѣ, и съ грустью приходится думать, что не упадокъ вѣры у послѣдователей буддизма создалъ эти развалины благородныхъ зданій, а произвело ихъ желѣзо завоевателей. Жители не могли противостоять завоевателямъ, и вмѣстѣ съ исчезновеніемъ ихъ свободы исчезла и религія. Въ Китаѣ также повсюду, куда проникали магометане, какъ побѣдители, буддизмъ мало-по-малу пересталъ существовать. Такимъ же образомъ и настоящая война съ Россіей, въ случаѣ побѣды послѣдней, будетъ имѣть аналогичныя послѣдствія. Петръ Великій въ своемъ завѣщаніи сдѣлалъ православную Церковь государственною религіею Россіи и хотѣлъ при содѣйствіи этой религіи объединить подъ своею эгидою цѣлый міръ. Въ настоящее время процвѣтаніе этой религіи связано съ благочестіемъ русскихъ въ отношеніи къ ихъ Богу и выражается въ безчисленномъ множествѣ церквей, покрывающихъ русскую территорію. Нетерпимость и религиозная ненависть русскихъ къ другимъ сектамъ, религіямъ и исповѣданіямъ создавала войны съ Турціею и недавнія избиенія въ Кишиневѣ. Съ другой стороны, политика русскаго правительства заключается въ томъ, чтобы въ Россіи не было другихъ религій, кромѣ Церкви православной. Поэтому, если только мы позволимъ побѣдѣ перейти въ русскія руки и если

мы окажемся вынужденными согнуться подъ русскимъ игомъ, нашимъ храмамъ придетъ конецъ. Отъ побѣды или пораженія въ этой войнѣ зависитъ жизнь или смерть самой нашей религіи, и потому вѣрующіе на полѣ брани должны сражаться не только за родину, но и за вѣру».

Другія журнальныя статьи и мнѣнія еще сильнѣе приведеннаго стремились перенести войну на религиозную почву, а потому правительству пришлось принять въ этомъ направленіи даже и активныя мѣры.

Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ преосвященный Николай оказался въ Японіи въ очень тяжеломъ положеніи. Въ моментъ, когда открытіе военныхъ дѣйствій было неизбѣжнымъ, представлялось вопросомъ, долженъ ли онъ быть оставленъ, какъ пастырь, среди своего стада, или же возвратиться въ Россію и провести тамъ время войны? Представители его Церкви на собраніи 7 февраля н. ст. 1904 года единогласно просили епископа, жизнь котораго принадлежала православной Церкви въ Японіи, остаться съ ними и увѣрили его, что они съ своей стороны сдѣлаютъ все возможное, чтобы ни онъ, ни Церковь не пострадали во время войны. Епископъ, горячо поблагодаривъ ихъ, высказалъ въ отвѣтной рѣчи, что онъ уже самъ принялъ предъ Богомъ рѣшеніе остаться въ Японіи и не въ посольствѣ, а на томъ же мѣстѣ, вблизи собора и что онъ вѣруетъ ихъ преданности по отношенію къ нему самому и ко всему тому, что касается интересовъ христіанства, такъ же какъ и благосклонному покровительству японскихъ властей, защитниковъ собора и собственности православной Церкви въ Японіи противъ всѣхъ нападѣній. Онъ прибавилъ: «Я надѣюсь, что объявленіе военныхъ дѣйствій не принесетъ съ собою никакой перемѣны въ дѣятельности нашей Церкви. Катехизаторы будутъ продолжать проповѣдывать Евангеліе Спасителя, ученики — посѣщать школу миссіи, а я самъ отдамся всецѣло переводу нашихъ

богослужебныхъ книгъ съ своимъ помощникомъ Накаи.—Разъ война объявлена, вашъ долгъ заключается въ томъ, чтобы молиться о побѣдѣ Японіи, вы должны приносить благодаренія Господу при всякомъ извѣстіи объ японской побѣдѣ. Этотъ долгъ православная Церковь налагаетъ на всѣхъ вѣрующихъ въ каждой отдѣльной странѣ. Нашъ Учитель Иисусъ учить насъ патриотизму и вѣрности родинѣ. Христосъ Самъ проливалъ слезы о судьбѣ Иерусалима: въ этомъ случаѣ Онъ далъ доказательства Своего патриотизма, и мы должны идти по стопамъ Учителя.

«Сегодня по обычаю я служу въ соборѣ, но отнынѣ впредь я уже не буду принимать болѣе участія въ общественныхъ богослуженіяхъ нашей Церкви. Это не потому, что для меня будетъ опасно показываться въ соборѣ, но доселѣ я молился за процвѣтаніе и миръ японской имперіи. Нынѣ же, разъ война объявлена между Японіей и моею родиной, я, какъ русскій подданный, не могу молиться за побѣду Японіи надъ моимъ собственнымъ Отечествомъ. Я также имѣю обязательства къ своей родинѣ, и именно поэтому буду счастливъ видѣть, что вы исполняете долгъ въ отношеніи къ своей странѣ. Въ силу именно этого, на сколько дѣло касается меня лично, я не могу принимать въ это время участія въ общественномъ богослуженіи японской Церкви».

Эту свою рѣчь, произнесенную въ Токио, архіепископъ Николай подтвердилъ потомъ официально всей Церкви слѣдующимъ документомъ:

«Окружное письмо епископа къ японскимъ православнымъ христіанамъ для успокоенія Церкви, встревоженной объявленіемъ войны Японіи съ Россіей».

«Благочестивымъ христіанамъ святой православной Церкви великой Японіи.

Возлюбленные о Господи братія и сестры! Господу угодно было допустить разрывъ между Россіей и Японіей. Да будетъ Его святая воля. Будемъ вѣрить, что это допущено для благихъ цѣлей и приведетъ къ благо-

му концу, потому что воля Божія всегда, благая и премудрая.

Итакъ, братія и сестры, исполните все, что требуетъ отъ васъ въ этихъ обстоятельствахъ долгъ вѣроподданныхъ. Молите Бога, чтобы Онъ даровалъ побѣду вашему императорскому войску, благодарите Бога за дарованныя побѣды, жертвуйте на военныя нужды; кому придется идти въ сраженія, не щадя своей жизни, сражайтесь не изъ ненависти къ врагу, а изъ любви къ вашимъ соотечамъ, помня слова Спасителя: «нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ» (Іоаннъ 15, 3). Словомъ, дѣлайте все, что требуетъ отъ васъ любовь къ отечеству. Любовь къ отечеству есть святое чувство. Спаситель освятилъ это чувство Своимъ примѣромъ: изъ любви къ Своему земному отечеству Онъ плакалъ о бѣдственной участи Иерусалима (Лук. 19, 41).

Но кромѣ земного отечества у насъ есть еще отечество небесное. Къ нему принадлежатъ люди безъ различія народностей, потому что всѣ люди одинаково дѣти Отца Небеснаго и братья между собою. Это отечество наше есть Церковь, которой мы одинаково члены и по которой дѣти Отца небеснаго, дѣйствительно, составляютъ одну семью. Поэтому то я не разлучаюсь съ вами, братія и сестры, и остаюсь въ вашей семьѣ, какъ въ своей семьѣ. И будемъ исполнять вмѣстѣ нашъ долгъ относительно нашего небеснаго отечества, какой кому надлежитъ. Я буду, какъ всегда, молиться за Церковь, заниматься церковными дѣлами, переводить Богослуженіе; вы, священники, усердно пасите порученное вамъ отъ Бога словесное ваше стадо; вы, проповѣдники, ревностно проповѣдуйте Евангеліе еще не познавшимъ истиннаго Бога, Отца Небеснаго; всѣ христіане, мирно ли живущіе дома или идущіе на войну, возрастайте и утверждайтесь въ вѣрѣ и преуслабляйте во всѣхъ христіанскихъ добродѣтеляхъ. Всѣ же вмѣстѣ будемъ горячо

молиться, чтобы Господь поскорѣе возстановилъ нарушенный миръ. Да поможетъ намъ во всемъ этомъ Самъ Господь.

Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любовь Бога и Отца, и причастіе Святаго Духа буди со всѣми вами. Аминь.

Великой Японіи православной Церкви епископъ *Николай*».

24 января—11 февраля 1904 г.

Вдумываясь въ положеніе православныхъ японцевъ и архіепископа Николая, создавшееся съ объявленіемъ русско-японской войны, мы не можемъ не признать его въ высшей степени затруднительнымъ и тяжелымъ. И православные японцы и архіепископъ оказались въ томъ положеніи, которое въ доктринѣ нравственной философіи называется *collisio officiorum*, т. е. столкновение двухъ видовъ нравственныхъ обязанностей. Въ данномъ случаѣ это были: для православныхъ японцевъ долгъ по отношенію къ родинѣ, совершенно естественное чувство патриотизма, и долгъ религиозный, чувство естественнаго дружелюбнаго отношенія къ Россіи, отъ которой они получили свою вѣру. Молодой Церкви было такъ легко уклониться въ ту или другую сторону и сдѣлать ошибочный шагъ. Уклониться въ сторону патриотизма значило войти въ столкновение съ совѣстью, требовавшею мира съ учителями исповѣдуемой религіи. Отдать излишнее уваженіе послѣднимъ—значило навлечь на себя подозрѣніе соотечественниковъ въ излишнихъ симпатіяхъ къ враждебной къ родинѣ странѣ.

Положеніе архіепископа было еще болѣе тяжелымъ, такъ какъ ему надлежало, во-первыхъ, дать указанія о разрѣшеніи вопроса о столкновеніи нравственныхъ обязанностей своей паствы, во-вторыхъ, разрѣшить аналогичный же вопросъ и для самого себя. У него же лично столкновение обязанностей выразилось нѣсколько иначе. Представлялось два вопроса: во-первыхъ, долженъ ли онъ благословлять свою

паству на войну съ Россіей, его родиной, въ чемъ проявилось столкновение обязанностей въ отношеніи къ Богу и въ отношеніи къ родинѣ. Онъ разрѣшилъ этотъ вопросъ такъ, какъ ему приказывалъ епископскій долгъ руководителя паствы, т. е. въ строгомъ соответствии съ Евангеліемъ. Второю коллизіей былъ вопросъ—оставаться ли ему въ Японіи и такимъ образомъ навлечь на себя подозрѣніе русскихъ въ томъ, что настолько «объяпонился», что даже забылъ родину, или же бросить свою паству въ самое опасное для нея время, когда существуютъ постоянныя возможности отпаденія отъ православія и уничтоженія враждебно настроеннымъ народомъ самой миссіи. Этотъ послѣдній вопросъ архіепископъ разрѣшилъ въ первомъ смыслѣ, не смотря на то, что подвергалъ жизнь свою явной опасности.

По общему признанію японцевъ, православная миссія и соборъ уцѣлѣли во время войны единственно благодаря тому, что счастье въ войнѣ оказалось всецѣло на ихъ сторонѣ. Такъ думало и японское правительство, ибо съ самаго начала военныхъ дѣйствій оно назначило въ миссію сильную военную охрану, остававшуюся тамъ въ теченіи всей войны. Когда же японскій транспортъ былъ пущенъ ко дну русскими крейсерами и въ Токио начались по этому поводу волненія, то на дворѣ миссіи и въ прилегающемъ къ ней районѣ было поставлено свыше роты солдатъ. Архіепископъ и самъ хорошо сознавалъ угрожающую ему опасность, ибо, распуская соборъ духовенства въ 1904 году, онъ сказалъ такъ:

«Любезные собратія! Прощаясь нынѣ съ вами, я не могу удержать нѣкоторое особенное движеніе чувства, и потому говорю вамъ отъ глубины сердца и прошу и васъ принять мое слово къ сердцу. Надѣюсь, что мы увидимся и въ будущемъ году, какъ обычно, въ такое же время. Но можемъ ли мы съ увѣренностью сказать это? Видите, какъ охраняютъ это мѣ-

сто и меня съ нимъ? Значить, *есть опасность*. Будемъ уповать, что такая тщательная охрана не останется тщетною и что Ангелъ Божій покроетъ своимъ крыломъ и защититъ отъ бѣды миссію. Но на всякій случай примите мое прощальное слово, какъ *завѣщаніе*, которое, впрочемъ, если буду живъ, не перестану говорить вамъ при каждомъ свиданіи».

Такимъ образомъ архіепископъ Николай при разрѣшеніи во время войны затрудненія поступилъ какъ подобаетъ истинному христіанину, не остановившись передъ страхомъ людской молвы, безъ боязни, что скажетъ о немъ въ той и другой странѣ общественное мнѣніе и теперь, когда мы можемъ смотрѣть на его поступокъ какъ на прошлый, мы ясно видимъ, что онъ поступилъ правильно, что онъ спасъ отношенія русской и японской православныхъ Церквей, совершенно снялъ съ японской православной Церкви всякія подозрѣнія въ политическихъ интригахъ въ пользу Россіи, доказавъ свою собственную непричастность къ политикѣ и разъ навсегда установилъ возможность поднаго взаимнаго довѣрія между Японіей и Россіей.

Нечего и говорить, на сколько тяжело было личное положеніе архіепископа во время русско-японской войны. Онъ разсказывалъ, что совсѣмъ не читалъ газетъ, полныхъ ликованіемъ побѣдителей и издѣвательствами надъ Россіей, не могъ ни съ кѣмъ говорить о томъ, что его интересовало всего болѣе, долженъ былъ прекратить всякую переписку съ Россіей и жить душою въ полнѣйшемъ одиночествѣ, только занимаясь дѣлами. Онъ отдавалъ однако всегда справедливость японцамъ и ихъ такту во время войны. Въ своей рѣчи при прекращеніи дѣятельности общества духовнаго утѣшенія военнопленныхъ 18-го февраля 1906 года онъ сказалъ членамъ этого общества слѣдующее:

«Благодарю васъ лично отъ себя, прошу вмѣстѣ съ симъ принять мою благодарность и всѣхъ окружающихъ меня братій

и сестеръ. Господня воля совершается въ побѣдахъ и пораженіяхъ,—это мы, какъ христіане, ясно знаемъ и этому твердо вѣруемъ. Вы радовались во время побѣдъ, дарованныхъ вамъ Господомъ, и не могли не радоваться; но ни разу никто изъ васъ не отягчилъ моей печали обнаруженіемъ предо мной своей радости и торжества. Мы каждый день были вмѣстѣ, дѣлая общее дѣло, но, будучи вмѣстѣ, мы не были я—русскій, а вы—японцы, а были братья и сестры во Христѣ, дѣти одного Отца Небеснаго. При началѣ войны вы желали, чтобъ я остался съ вами, и обѣщались беречь меня,—и вы блистательно исполнили свое обѣщаніе, вы сберегли меня не только физически, но и нравственно, за что я особенно благодаренъ вамъ. Это всегда глубоко трогало меня, и на всю остальную жизнь мою останется для меня дорогимъ утѣшительнымъ воспоминаніемъ изъ этого неутѣшительнаго для меня времени».

Не смотря на такіа неблагопріятныя условія, архіепископъ не оставлялъ и своихъ обычныхъ трудовъ наставленія вѣрующихъ, выясненія ихъ отношеній къ Россіи и защиты православной Церкви отъ сыпавшихся на нее нападеній. Этой цѣли имъ было посвящено нѣсколько посланій къ христіанамъ, изъ которыхъ одно я считаю нужнымъ здѣсь привести для характеристики этого рода работъ почившаго владыки.

Второе окружное письмо епископа къ японскимъ православнымъ христіанамъ, по случаю войны.

«Благочестивымъ христіанамъ святой православной Церкви великой Японіи.

Возлюбленные о Господѣ братія и сестры! Въ отвѣтъ на мое письмо отъ 11-го февраля я получилъ почти изъ всѣхъ церквей выраженіе радости о томъ, что я на время войны остался въ Японіи. Этотъ привѣтъ моихъ христіанъ въ свою очередь радуется меня, такъ какъ показываетъ, что моя любовь къ нимъ не остается безъ отвѣта. Это служить мнѣ лучшею наградою

за мои посильные труды для дѣла Божія здѣсь.

Во многихъ письмахъ я встрѣтилъ выраженія, что какъ ни печальна война сама по себѣ, но для православной Церкви она будетъ полезна тѣмъ, что исправить неправильныя понятія объ отношеніи японскихъ православныхъ христіанъ къ Россіи. И я вполне увѣренъ въ этомъ: война несомнѣнно принесетъ это благо. Какія это неправильныя понятія? О васъ говорятъ, будто вы, какъ православные, зависимы отъ русскаго Императора, который будто бы есть глава православной Церкви, и потому заподозрѣваютъ вашу искренность въ служеніи вашему собственному Императору и вашей странѣ. Какое ложное понятіе о православной Церкви! И какое страшное подозрѣніе основано на этой лжи! Русскій Императоръ отнюдь не есть глава Церкви. Единственный глава Церкви есть Иисусъ Христосъ (Ефес. 1, 22; Колос. 1, 18); ученіе Котораго тщательно хранить въ цѣлости православная Церковь, — и русскій Императоръ въ соблюденіи сего ученія есть такой же почетительный сынъ Церкви, какъ и всѣ другіе православные христіане. Нигдѣ и никогда Церковь не усвоила ему никакой власти въ ученіи и не считала и не называла его своимъ главою. Это заблужденіе образовалось на западѣ Европы отъ незнанія русской Церкви, и оттуда перешло въ Японію, и здѣсь нынѣ, такъ же какъ и тамъ, широко распространено. Если основаніе ложно, то тѣмъ болѣе ложно построенное на немъ. Если русскій Императоръ не есть глава Церкви для русскихъ, то тѣмъ менѣе онъ есть глава Церкви для васъ. Для васъ онъ есть не болѣе, какъ братъ по вѣрѣ, такъ же какъ и всѣ русскіе единовѣрные вамъ. Надъ вами русскій Императоръ не имѣетъ ни тѣни какой-либо религіозной власти; между вами и вашимъ императоромъ онъ отнюдь не становится, и вашей вѣрности отечеству вашему ни на волосъ не мѣшаетъ. Какъ

вашъ братъ по вѣрѣ, русскій Императоръ, конечно, только желаетъ, чтобы вы были хорошими христіанами, усердно исполняющими всѣ христіанскія обязанности, а въ томъ числѣ и блюденіе вашей вѣрности и преданности вашей родной странѣ и вашему императору. Эти истины вы съ самаго начала, когда сдѣлались христіанами, и всегда потомъ знали, и ничего несогласнаго съ ними никогда не слыхали отъ вашихъ катехизаторовъ и священниковъ, такъ какъ и они въ свою очередь иначе ничего не слышали отъ своихъ наставниковъ и не видѣли въ учебникахъ Догматики и Каноники и ни въ какихъ другихъ книгахъ, когда воспитывались для своей службы въ миссіонскихъ училищахъ. Но не знающіе и не хотящіе знать православнаго ученія не знаютъ и этихъ истинъ и потому думаютъ и говорятъ о васъ совершенно противное. Сколько мы говорили и писали противъ этого заблужденія. Сколько книжекъ издали для уясненія истины. Но всѣ усилія наши были—точно попытки голою рукою разбить твердую скалу.

И вотъ, наконецъ, пришло время рухнуть этой скалѣ и разлетѣться въ прахъ. Началась война съ Россіей,—и православные усердно молятся о дарованіи побѣды своему Императору, съ одушевленіемъ провожаютъ своихъ воиновъ на войну, вполне увѣренные, что они будутъ геройски защищать свое отечество противъ непріятеля; воины съ энтузіазмомъ идутъ, испросивъ благословеніе и молитву у своихъ священниковъ, чтобы Богъ помогъ имъ безукоризненно исполнить свой долгъ относительно отечества; православная семинарія составляетъ и жертвуетъ своему родному воинству десятки тысячъ экземпляровъ японско-русскихъ разговоровъ, для напечатанія которыхъ всѣ воспитанники принесли свои лепты; православная женская школа отдѣляетъ изъ своего состава наставницъ для благотворительнаго служенія раненымъ воинамъ; всѣ православные христіане по всей Японіи съ радостью жер-

твуютъ, кто сколько можетъ, на военныя нужды отечества или на содержаніе семействъ воиновъ. Не ясно ли какъ день, что православіе не только не вредитъ патриотическому служенію своему отечеству, а, напротивъ, возвышаетъ, освящаетъ и тѣмъ усиливаетъ его? Если кто, видя все это со стороны православныхъ, станетъ еще говорить о нихъ что-нибудь неподобное, то придется только съ сожалѣніемъ сказать, что кто упорно противится истинѣ, того нѣтъ средствъ убѣдить. Но думаю, что немного найдется такихъ, а что вообще откроютъ глаза на православіе и посмотрятъ на него дружелюбно всѣ тѣ, кто до сихъ поръ не имѣлъ возможности убѣдиться въ неприкосновенности его къ взводимымъ на него обвиненіямъ.

Итакъ, возлюбленные братья и сестры, стойте твердо въ вѣрѣ и продолжайте въ эти трудные дни служить вашему отечеству всѣмъ, кто чѣмъ можетъ; продолжайте неуклонно исполнять и всѣ другія христіанскія обязанности, чтобы чрезъ васъ святилось имя Божіе и воздавалась хвала Отцу нашему Небесному; продолжайте также молиться, чтобы Богъ сократилъ бѣдствіе войны и скорѣе послалъ опять миръ намъ.

Благословеніе Божіе да будетъ со всѣми вами, и да возсіяетъ скоро свѣтъ истиннаго Христова Евангелія во всемъ вашемъ отечествѣ. Аминь.

Великой Японской православной Церкви епископъ *Николай*.

29 февраля—13 марта 1904 г.

Говоря о времени русско японской войны, немисливо обойти молчаніемъ дѣятельность архіепископа Николая по отношенію къ организаціи духовнаго утѣшенія русскихъ военнопленныхъ. Можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что онъ былъ ихъ ангеломъ-хранителемъ, и многіе офицеры и солдаты, съ которыми мнѣ пришлось видѣться, не могли безъ слезъ вспоминать объ архіепископѣ. Никто изъ нихъ

никогда и не думалъ, попавъ въ Японію, имѣть возможность слышать церковную службу, видѣть священниковъ, получать таинства. Архіепископъ сосредоточилъ на военнопленныхъ всю свою любовь и съ истинно-отцовской заботливостью и нѣжностью старался смягчать для нихъ тяжесть плѣна и неволи. Вотъ нѣкоторые проявленія дѣятельности православной духовной миссіи въ отношеніи къ военнопленнымъ.

Въ 1904 году для удовлетворенія духовныхъ нуждъ русскихъ въ Японіи архіепископомъ Николаемъ были назначены три молодыхъ и наиболее дѣятельныхъ священника, знающихъ русскій языкъ.

Священникъ церкви въ Осака, Сергій Сузуки, съ мая мѣсяца былъ поселенъ въ городѣ Мацуяма для служенія у военнопленныхъ въ этомъ городѣ и въ Маругамѣ; священникъ церкви въ Маэбаси, Павелъ Морита, съ іюля поселенъ въ Химези для военнопленныхъ въ этомъ городѣ и въ Фукуцямѣ; священникъ церкви въ Кіото, Симеонъ Миѣ, съ октября каждыя двѣ недѣли, по предписанію епископа, посѣщалъ для Богослуженій военнопленныхъ въ Нагоѣ и Сизуока. Въ началѣ 1905 г., съ переводомъ военнопленныхъ изъ Портъ-Артура въ Японію, священникъ Симеонъ Миѣ сталъ служить, кромѣ того, у поселенныхъ въ Тенгаця, близъ Осака. Для другихъ же мѣстъ, гдѣ были поселены военнопленные изъ Портъ-Артура, архіепископъ командировалъ еще двухъ священниковъ, знающихъ русскій языкъ: священникъ Алексѣй Саваба изъ Токио былъ переведенъ къ военнопленнымъ въ Хамадэра, также близъ Осака; священникъ Андрей Мэтоки изъ Хакодате отправленъ на о. Кюсюю, служить у поселенныхъ въ городахъ Дайри и Фукуока.

Отправляя священниковъ для служенія у военнопленныхъ, архіепископъ снабжалъ ихъ священными сосудами, облаченіями, славянскими богослужебными книгами и всѣмъ потребнымъ для совершенія Бого-

служеній, въ молитвенныя же мѣста посылалъ св. иконы въ кіотахъ. Всѣ помѣщенія военнопленныхъ также были снабжены архіепископомъ иконами.

Для чтенія военнопленныхъ архіепископъ Николай разослалъ, въ 1904 году, изъ запасной бібліотеки миссіи 2211 религиозныхъ книгъ, 5072 религиозныхъ брошюры, 1127 научныхъ и разнаго свѣтскаго содержанія книгъ и брошюры.

Словомъ, съ самаго начала появленія въ Японіи русскихъ военнопленныхъ, архіепископъ Николай вмѣнилъ себѣ въ обязанность дѣлать для нихъ все, что позволяли его средства и силы, и неуклонно исполнялъ это.

Независимо отъ этого японскіе православные христіане учредили между собою «Общество духовнаго утѣшенія военнопленныхъ», собирали пожертвованія и употребляли ихъ на помощь миссіи въ содержаніи священниковъ у военнопленныхъ, на подарки военнопленнымъ и на посѣщеніе ихъ для духовнаго утѣшенія.

Въ 1905 году дѣятельность православной миссіи въ отношеніи военнопленныхъ еще болѣе усилилась.

17 священниковъ и 6 діаконовъ почти весь годъ были исключительно священнослужителями для русскихъ военнопленныхъ, число которыхъ, послѣ Сахалинскихъ поражений, превысило 73 тысячи; даже катехизаторы тѣхъ городовъ, гдѣ жили военнопленные, были отвлекаемы отъ своего прямого дѣла необходимостью такъ или иначе служить военнопленнымъ. «И нужно сказать при этомъ, писалъ позднѣе архіепископъ Николай, что никто изъ насъ здѣсь нисколько не сѣтовалъ на это временное уменьшеніе силъ для служенія японской Церкви. Напротивъ, священнослужители съ великою радостью шли служить духовнымъ нуждамъ русскихъ братій; мѣстные христіане также со всею готовностью отпускали ихъ на это служеніе и сами, гдѣ представлялась возможность, старались въ свою очередь, чѣмъ и какъ могли, слу-

жить военнопленнымъ. Словомъ, всѣ въ совокупности христіане наши, безъ всякихъ постороннихъ внушеній, сочли своею обязанностью дѣлать все, для нихъ возможное, къ облегченію участи военнопленныхъ, сами выражая, что этимъ они желаютъ хоть нѣсколько заплатить свой долгъ благодарности за попеченіе своей Матери—русской Церкви здѣсь, что всѣ безъ исключенія священнослужители наши съ честью совершили свое служеніе, своимъ усердіемъ, добросовѣстностью и любовнымъ отношеніемъ къ военнопленнымъ приобрѣли и съ ихъ стороны непритворную любовь и уваженіе; объ этомъ ясно свидѣлствуютъ подписки русскихъ на иконы или облаченія въ подарокъ своимъ священникамъ; объ этомъ еще болѣе свидѣлствуетъ множество полученныхъ мною отъ военнопленныхъ писемъ, въ которыхъ они благодарятъ за присылку священниковъ, хвалятъ ихъ усердіе, просятъ наградъ для нихъ. Нельзя умолчать, что и обратно какъ священнослужители, такъ и всѣ христіане наши немалую духовную пользу приобрѣли отъ военнопленныхъ. Последніе, какъ природныя христіане, сами не заботясь о томъ, показали на себѣ примѣръ новымъ христіанамъ, каковъ долженъ быть христіанинъ въ своемъ отношеніи къ Богу и въ своемъ поведеніи. Священники, по отпуску военнопленныхъ, возвратились къ своимъ мѣстамъ, полные трогательныхъ воспоминаній и рассказовъ о томъ, какъ набожны русскіе христіане, какъ усердны къ церковной службѣ, съ какимъ благоговѣніемъ приступаютъ къ св. таинствамъ, съ какимъ самоотверженіемъ жертвуютъ на церковь и на нужды ближнихъ и т. п. Этотъ запасъ воочию видѣннаго благочестія и добрыхъ христіанскихъ дѣлъ, будемъ надѣяться, надолго послужитъ источникомъ наученія для новыхъ христіанъ и немало перейдетъ въ жизнь ихъ».

Русско-японскою войною Промыселъ, казалось, закончилъ тѣ тяжелыя испытанія, которыя онъ налагалъ на архіепископа Ни-

колая. По заключеніи Портсмутскаго договора отношенія русскихъ къ Японіи радикально перемѣнились. Обнаружилось прежде всего давножданное архіепископомъ стремленіе Россіи къ изученію Японіи, хотя и не въ томъ масштабѣ, который онъ считалъ нужнымъ для Россіи, но все же на иныхъ, сравнительно съ прежнимъ, основахъ. Дѣятельность владыки, проведшаго, какъ добрый кормчій, свою Церковь черезъ налетѣвшую бурю цѣлою и неповрежденною, и много потрудившагося для русскихъ военнопленныхъ, была оцѣнена, и преосвященному Николаю былъ пожалованъ санъ архіепископа, что придадо бодрости и всей японской Церкви. Въ Россіи начали обосновываться общества для изученія Востока и Японіи, которыя впервые признали заслуги архіепископа какъ ученаго въ области японовѣдѣнія и стали избирать его своимъ почетнымъ членомъ. Первымъ изъ такихъ обществъ было Императорское Общество Востоковѣдѣнія. Далѣе архіепископу пришлось еще примѣнять свой педагогическій опытъ къ оборудованію школы японскаго языка для русскихъ дѣтей, присланныхъ изъ восточной Сибири, и онъ имѣлъ уже утѣшеніе видѣть нѣсколько человекъ изъ своихъ питомцевъ работающими въ Россіи на почвѣ японо-русскихъ отношеній. Вся та небольшая группа лицъ изъ русскихъ, которая являлась въ Токио послѣ войны для изученія японскаго языка, поддерживала дружескія отношенія съ архіепископомъ, и можно было видѣть, съ какимъ чувствомъ удовлетворенія онъ распространялъ на всѣхъ такихъ лицъ свѣтъ пріобрѣтенныхъ имъ огромныхъ знаній по японологіи, подъ лучами котораго согрѣвались и возростали эти новыя силы. Наконецъ онъ дождался и того, чего ждалъ такъ долго: къ нему пріѣхалъ помощникъ,

преосвященный Сергій, который преданъ изученію японскаго языка, совершилъ уже нѣсколько поѣздокъ по Японіи и доставилъ преосвященному Николаю наслажденіе слушать свою японскую проповѣдь. Словомъ, исполнилось желаніе преосвященнаго Николая, о которомъ онъ писалъ еще въ 1903 году такимъ образомъ:

«Я, 68-лѣтній старикъ, доживаю послѣднее время моей жизни, посвящая его, кромѣ общаго заведыванія церковными дѣлами, переводу Богослуженія, и давно уже пора подумать о замѣстителѣ меня здѣсь. Для юной японской Церкви будетъ весьма не полезно, если, послѣ моей смерти, или въ случаѣ тяжелой болѣзни, станетъ заведывать ею не человекъ, достаточно воспитавшійся здѣсь для того, а внезапно присланный, не знающій ни языка ея, ни исторіи, ни характера людей, составляющихъ ее, ни обычаевъ страны. Итакъ, тѣмъ настоятельнѣе нужда не медлить назначеніемъ сюда благонадежнаго миссіонера».

Единственною заботою до самыхъ послѣднихъ минутъ архіепископа оставалась мысль о неоконченномъ переводѣ Библии. Уже на смертномъ одрѣ, находясь въ госпиталѣ Св. Луки въ Цукизи, онъ вызывалъ къ себѣ Накаи-санъ и пытался продолжать свою работу, и потомъ, перевезенный, по собственному настоянію, изъ госпиталя назадъ въ духовную миссію, онъ еще разъ порывался заняться переводомъ, но силъ больше не было...

Въ этихъ послѣднихъ попыткахъ работы, какъ и во всей жизни архіепископа, мы должны видѣть оставленный имъ намъ завѣтъ постоянного труда на почвѣ религиознаго просвѣщенія Японіи и сближенія двухъ странъ во славу православной Церкви и Россіи.

